

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Настоящая черная
ВЕДЬМА

Annotation

Черных ведьм и, соответственно, меня бесит все! Бесят вопли местных девиц, требующих сварить им приворотное зелье, бесит наглый белый маг, который ведет себя не по регламенту, но больше всего выбешивает вот этот субъект – новый мэр Бриджуотера, который в день прибытия самым беспардонным образом потребовал от меня собрать чемоданы и покинуть «его город»! И мало того, что «милым дитем» обозвал, так еще и решил, что меня, потомственную черную ведьму, нужно воспитывать и защищать.

Все, господин мэр, это война!

Елена Звёздная

Настоящая черная ведьма

С чего началась эта история? Так если припомнить, то, пожалуй, с вопля сестер Блошич, дочерей почтенного торговца Блошича:

– Нам нужно приворотное зелье!

А я терпеть не могу делать приворотные зелья. Бесят они меня. И вопли оголтелых девиц бесят тоже. Меня вообще все бесит, я же ведьма, причем черная и потомственная, так что положение обязывает. Выдала девицам два пузырька с сильно действующим слабительным, заменив этикетки «Послабляющее» на «Привораживающее», и собственно дозу препарата увеличила втрое. А чего? Я, между прочим, мужику пользу принесу, у него после такой дозировки не то что кишечник, мозги разом прочистятся.

Но это оказалось только начало.

Часа не прошло, как в мою лавку, носящую весьма непрозрачное название «Лавка черной ведьмы», ломанулся весь «цветник» нашего Бриджуотера. Кого тут только не было! И госпожа Данкан – почетная старая дева города, пережившая девицей три помолвки, десять сбежавших еще до сего акта кандидатов в мужья и одного почти женившегося после принятия моего зелья священника, который у алтаря все же опомнился, никак высшие силы сжалились, сослался на свои обеты и ретировался. И сестры Невелис – все четверо в отца пошли, чем весьма кузнец и гордился, но его могучесть, коренастость и волосатость, на мой взгляд, как-то не слишком девиц красили. Кстати, не только на мой взгляд – мужская часть Бриджуотера придерживалась того же мнения, в результате сестры до сих пор в девках. Но всех затмила матушка Торникай, рванувшая к торговой стойке, где и устроилась, вывалив достоинство, выкормившее всех ее девятирех дочерей собственно на стойку, от чего та жалобно закричала, напомнив мне, что пора бы и ремонт сделать. Кстати, жалобно скрипела не только стойка, пол тоже отозвался надсадным стоном, от чего вся толпа сделала синхронный шаг назад, обоснованно опасаясь провалиться в подпол, а о моем подвале ходили страшные слухи, соответственно, туда никто не хотел.

Кроме, похоже, матушки Торникай.

– Уважаемая госпожа ведьма, – начала она без предисловий колоритным басом.

Кстати, дочерям передался такой же и голос, и характер, ничего удивительного, что от них даже портовые грузчики улепетывали.

– А сварите-ка мне зелье! – выдала Торникай.

Скривившись так, словно на завтрак у меня были лимоны, а вовсе не два хрустящих пирожка с ягодами, решительно ответила:

– Не сварю.

– Это еще почему? – возмутилась почтенная.

Хороший вопрос, очень. Глубоко вдохнув, со всем почтением ответила:

– А потому что, госпожа Торникай, зелье для похудения не запивают пинтой пива три раза в день, заедая все это пирогами с мясом, жареными ребрышками и цельным тортом со взбитыми сливками!

Мадам поморщилась, после махнула рукой, которая сделала бы по объему честь любой мужской ноге, в смысле бедренной части... да что там мужской – упитанные быки могли

смело завидовать подобным объемам конечностей, и выдала:

– Ну что вы, госпожа ведьма, это все дело прошлое, а я и так хороша!

Угу, поговаривают, господин Торникай спать предпочитает на чердаке и не спускается с него на первый этаж, пока госпожа Торникай бродит по второму, так как опасается, что не выдержит пол и рухнет прямо на несчастного мужика, который по объему раз в пять меньше супруги. Жаль его, если честно, частенько он ко мне за успокоительным заходит, сядет в сторонке и вздыхает так жалобно...

– Приворотное мне нужно! – рявкнула матушка Торникай так, что я, задумавшаяся о ее бедном муже, вздрогнула от неожиданности.

Демонстративно прочистив ухо, глянула на мадам, и прямо спросила:

– В город новый холостяк приезжает, да?

У госпожи Торникай согласно затряслись все три подбородка. Остальная толпа тоже радостно и возбужденно закивала.

– Один? – уточнила я.

Кивки усилились.

Кто мне скажет – где логика?! Мужик-то один, а их тут уже штук двадцать в мою лавку набилось, и вот вопрос – делить они его как будут?! Короче, мужика заранее жалко. Потом припомнила сестер Блошич, собственно выданное им слабительное, и... мужика стало еще жалче. С другой стороны, слабительные у меня безвредные, а лишнее прочищение желудка еще никому не мешало, так что... В конце концов, я злая ведьма и никаких угрызений совести у меня нет!

– Так, – постукивая черными накладными ногтями по торговой стойке, недобро начала я, – зелий приворотных у меня нет.

– Так сварите! – возопила матушка Торникай, подаваясь вперед и жадно оглядывая полки за моей спиной.

Да, проблема. Они же так просто не свалят, да и к окрестным черным ведьмам не пойдут – Грехен из ума выжила, ну так там возраст располагает, стольник разменяла уже, у Мадины после последнего эксперимента по отращиванию волос клиентов нет – а кому понравится, если на лысине начнет трава расти, да не какая-нибудь, а ядовито-синяя, а к Люсинде побоятся, та недавно с мужем развелась, так что в ней явно конкурентку видят. Но и мужика жаль как-то, уж даже и не знаю, с чего... Хотя нет, знаю – вот как замечу алчное выражение лунообразной физиономии госпожи Торникай, так тут же всех холостых жалко становится.

– Ладно, – я поморщилась, едва стойка опять затрещала, – сделаем так – ночью сварю зелье, утром приходите.

Столько радости было. А меня чужая радость бесит. Да вообще все бесит. Особенно трещина, оставшаяся на стойке после ухода массы госпожи Торникай. Тьма, эта женщина становится опасной для окружающих, и собственно окружающие это уже понимают – ничего удивительного, что как только мадам выходит на улицу, все извозчики стремительно исчезают, а потом на пару с лошадьми перепугано из-за деревьев и углов домов выглядывают.

А так больше проблем не было – слух о том, что приворотное только к утру сготовят, видимо, по всему городку расползся. Так что заходили старички Варовски, взяли капель для зрения, им, ювелирам, зрение нужно отменное. Ближе к вечеру заскочил купец Оргун, взял мужского зелья – видать, опять супруга за город укатила... Купец так радовался, так радовался, ручку пытался поцеловать... Нет, не скажу ему, что госпожа Оргун этих зелий

второе больше с собой набрала, да ко всему прочему еще и противозачаточного пять пузырьков.

Ночью «варила» приворотное. Оно ж как – жителям городка подавай в основном специфичные зелья, а у меня, между прочим, специализация по витаминным. Так что полночи я рисовала этикетки вроде «Неземная страсть», «Феерия любви», «Страсть с первого взгляда» и тому подобное, а после быстренько, где-то за полчаса, наклеила их на пузырьки с витаминными настойками. А что – и вреда никакого, и эффект, глядишь, какой-никакой будет. В конце концов, от витаминов еще никому плохо не было, а тут и для красоты, и для крепости ногтей, и для сияющей здоровьем кожи, и для волос – был у нас обыкновенный мужик, станет красавец!

* * *

В итоге утром едва не проспала рассвет, вставать было лень. Но у меня всего одно увлечение, и мне вовсе не хотелось, чтобы о нем кто-то знал. Встала, потянулась и пошла одеваться. Из лавки вышла, как и всегда, в полной тишине – город еще спал, фонтаны спали, фонарщики гасили фонари. Кстати, вот сейчас, когда фонтан на центральной площади не работал, мне была видна городская мэрия. Точнее даже так – моя лавка находилась как раз напротив мэрии, но фонтан всегда закрывал обзор. Собственно, благодаря ему у меня и лавка в таком месте. У нас как – раз ты черная ведьма, изволь пожаловать на окраину города, а то и вовсе за городскую стену, черных никто не любит. Но два года назад я получила наследство от двоюродного дедушки, который в Бриджуотере был аптекарем. Довольно неплохим, кстати, раз сумел купить дом, выходящий на центральную городскую площадь. Дедушку Гэбриэла я не помнила, но наследство пришлось весьма кстати – я как раз закончила магистериум и искала, куда бы податься. Бриджуотер в этом плане был идеален – портовый городок на окраине королевства, население, где все друг друга знали, и доходное место для моей лавки. Так что по приезде я сменила вывеску «Аптека» на «Лавка черной ведьмы», лично выкрасила здание в черный цвет, дабы соответствовало, накупила у местной ребятни трупики летучих мышей, у чучельника – чучело черной кошки, над вывеской изобразила зеленые кошачьи глаза и оказалась вполне довольна новым местом жительства. Недовольным был мэр, прискакавший в одном ботинке в тот же день, как я закончила малярные труды и выразивший свое возмущение. Не повезло ему. Все дело в том, что ведьма я потомственная, а гены на землю не падают, соответственно, характер у меня не то что бы отвратительный, но... Да ладно, поганый у меня характер и профессии очень даже соответствует. Через три дня заметно полысевший мэр приполз с извинениями и выдал бумаженцию, свидетельствующую о том, что городской совет разрешил черной ведьме Аэтелль Герминштейн содержать черномагическую лавку в указанном месте городка Бриджуотер.

Жизнь прекрасна!

Оглянувшись еще раз на предмет своей гордости – черный двухэтажный домик в самом центре города, я посочувствовала окружающим ярко-оранжевым постройкам – по поводу вкуса их владельцев и, напевая что-то веселое, махнула рукой сонно проезжавшему мимо извозчику. Последний довез меня до городской стены, почтительно косясь на черный ведьминский плащ. Там, через калитку под уважительными взглядами стражников, которые

свято верили, что иду я кого-нибудь приносить в жертву, я вышла в лес, свернула на знакомую тропинку и, убедившись, что вокруг никого нет, сняла плащ и запрятала его в дупло.

А затем, глубоко вдохнув напоенный лесными ароматами воздух, сорвалась на бег.

Да, люблю бегать. Нравится мне это. И просыпающийся на рассвете лес, и изгибистые тропки, и сонно потягивающиеся при моем появлении медведи, и рысенок с погрызенным ухом, который по утрам всегда пытается догнать, и озеро, куда ведет крутой склон, и вообще бегать. И потому каждое утро, едва сереет небосклон, я приезжаю на окраину леса и позволяю себе час-полтора носиться среди деревьев как оголтелая, презрев соответствующее статусу черной ведьмы поведение. Ко всему прочему по утрам я вовсе и не ведьма – волосы каштановые, непослушные, выющиеся, на носу веснушки и глаза ну самые что ни на есть обыкновенные серо-голубые. Это потом я вымажу волосы черным, и они станут прямые, кожу выбелю, превратив почти в подобие фарфоровой маски, глаза и брови подведу черным, веки – зелеными тенями, что придает и взгляду зеленоватый оттенок, в уши вставлю тяжелые серьги, на себя напялю длинное платье и шляпу черную остроконечную, на пальцы – табун кричащих серебряных колец, и, собственно, здравствуйте, я ваша черная ведьма.

Утренний забег прошел чудесно. Мокрая и разгоряченная, я вернулась на свою секретную полянку, достала из дупла плащ, закуталась, скрывая рубашку, брюки и охотничьи ботинки и даже лицо практически и вернулась в город.

Стражники проводили жадными взглядами, выискивая на черном подоле кровавые пятна, извозчик нетерпеливо ждал – не из вежливости, из любопытства скорее. И едва забралась в двуколку, изволил поинтересоваться:

– Как все прошло, госпожа ведьма?

– Замечательно, – беззаботно ответила я.

– А кого-сь сегодня замучили смертью безвременной? – трогая с места, продолжил расспрашивать мужик.

Меня, к слову, чрезмерное любопытство тоже бесит. Меня вообще все бесит, я же говорила.

– Да так, – отозвалась небрежно, – тут в прошлый раз один извозчик разболтался не к месту...

Мужик вздрогнул, спина его стала прямая как палка, но таки спросил:

– И... чего?!

– Ничего, – злобно протянула я.

Выпрямившись еще сильнее и заметно начав вздрагивать, извозчик уточнил:

– Ничего от него не осталось, да?

Нет, он реально думает, что я мужика убила? Судя по всему, да. Ну так у нас, черных ведьм, принцип такой – если о вас незаслуженно говорят гадости – заслужите.

– Ни-че-го, – по слогам кровожадным шепотом повторила я.

До конца пути перепуганный извозчик более не издал ни звука. Приехав на площадь, отказался от оплаты и попросил забыть, как он выглядит. Мстительно солгала, что у нас, черных ведьм, идеальная память на лица... Мужика перекосило.

Довольная собой, пробежкой, утром и в целом жизнью, весело направилась к собственной лавке, планируя душ, завтрак и весьма прибыльный по причине продажи псевдоприворотного зелья день. Но обогнув две проезжающие мимо кареты, я заметила, что возле моей лавочки стоит группа мужчин и что-то бурно обсуждает. Подходя ближе, узнала в

присутствующих господина мэра, который из-за моей мстительности так и остался с проплешиной на макушке, самых уважаемых членов совета и одну незнакомую мне морду лица. Морда была высока, на голову выше присутствующих, широкоплеча, узкобедр, темноволоса, имела внушительный нос, правильные черты и квадратный подбородок. В общем и целом, должна признать, морда оказалась весьма привлекательна, а выправка свидетельствовала о военной карьере. То есть фактически мне очень даже понравилась. Не понравилось другое – чем ближе я подходила, тем отчетливее становилось видно недовольное выражение морды при взгляде на мою чудеснейшую лавку, и это недовольство некоторые не сочли нужным скрывать. То есть хамим! Стоим перед лавкой самой настоящей потомственной черной ведьмы и откровенно хамим! Где пиетет?! Где испуганная бледность?! Где выдавленная через силу вежливая улыбка?! Это вообще как называется?

Решительно направилась к морде, дабы сообщить, насколько та в конкретный данный момент неправа, но едва подошла...

– Госпожа Герминштейн весьма уважаемая и почитаемая всем городом, господин мэр, – произнес собственно... наш мэр.

Ведьма остановилась, обалдело прислушиваясь.

– Лавка черной магии в центре города недопустима, господин Браден, – глубоким приятным баритоном произнесла привлекательная морда, с недовольством разглядывая связку сушеных летучих мышек над моей дверью.

И так он их рассматривал, что плешку в густой черной шевелюре заслужил однозначно. К слову, и шевелюра у некоторых излишне густая... Но это ничего, проредим!

– Но, господин мэр, – заюлил похоже уже наш бывший мэр, – знаете, это...

– Я в принципе не могу понять, как вы это допустили! – отчеканил, судя по всему, новый мэр. – Лавка черной ведьмы не просто в городе, а фактически напротив мэрии! Или сейчас вы попытаетесь меня убедить в том, что из-за фонтана не видно?!

Господин Браден, уже открывший было рот, тут же его закрыл, и стало понятно, что именно этот аргумент он и собирался озвучить. Морда перевела мрачный взгляд с моих летучих мышек собственно на мэра, а затем его суровый взгляд заметил меня.

В следующий миг с мордой случилась метаморфоза – насупленные брови расправились, сжатые губы растянулись в вежливой и довольно приятной улыбке, темные глаза нацелились на мои глаза, и волнующий баритон озвучил:

– Милое дитя, вас так заинтересовала наша беседа?

Что??? «Милое дитя»?! Я?! Потомственная черная ведьма?! У меня нервно веко задергалось.

– Простите, я что-то не то сказал? – искренне встревожилась морда.

Присутствующие разом заинтересовались «милой дитятей», повернулись в мою сторону и...

Мгновенно синхронно отшатнулись всей толпой, стремительно бледнея и изображая знаки защиты.

Ну наконец-то, слава Тьме.

Морда удивленно глянула на сопровождающих, которые как-то совершенно неосознанно сгрудились за его спиной, после вновь на меня, на мою лавку, на черный ведьминский плащ, снова на меня.

– Да, я ведьма! Лично для вас – госпожа ведьма! – гордо представилась я, натягивая капюшон, который во время моей заинтересованности излишне сполз назад, открывая мое

лицо.

А я, между прочим, еще не покрашена.

Судорожно выдохнув, морда нахмурилась и в свою очередь представилась:

– Новый мэр. Для вас – господин мэр.

– Очень неприятно познакомиться, я бы даже сказала – отвратительно, – сложив руки на груди, заявила чиновнику.

– Взаимно. – Кто-то окончательно охамел.

Все, мэр, одной шевелюрой ты не отделаешься.

– Но я рад, – продолжила самоубийственная морда, – что мне не пришлось вызывать вас в мэрию для беседы и я могу здесь и сейчас сообщить, что не потерплю лавку черной магии в своем городе.

Меня вызвать? Угу. Он не потерпит... ха-ха.

– И потому жду от вас оценки данного имущества, которое мэрия выкупит у вас уже сегодня. К слову, можете паковать чемоданы.

Живут же на свете наивные морды...

– Простите, – я ехидно улыбнулась, – а вы чемоданы уже распаковали?

Вскинув бровь, неуверенно ответил:

– Нет. Я прибыл на рассвете.

Коварно ухмыльнувшись, искренне посоветовала:

– Не распаковывайте.

Морда вскинула и вторую бровь, после враждебно поинтересовалась:

– Вы мне угрожаете?

– Что вы, – не могу перестать улыбаться, – просто дружеский совет в качестве подарка к вашему приезду.

– То есть угроза, – правильно понял новый глава города.

Догадливый. Люблю таких. И внешне весьма неплох, а таких вообще все любят, особенно незамужние девицы... И тут вспомнились мне события минувшего вечера.

– Господин мэр, а вы женаты? – невинно поинтересовалась, окидывая вновь прибывшего изучающим взглядом и уже догадываясь, на кого объявило охоту все бриджуотерское сообщество незамужних дев и их мамаш.

– А это имеет значение? – разозлилась основательно влипшая, но еще не ведающая об этом жертва матримониальных устремлений.

подавив искренний злорадный смех, я обошла мэра и направилась в любимую лавку, обронив на ходу:

– Решающее значение, весьма решающее значение.

В ответ донеслось:

– Что вы имели в виду, госпожа ведьма?!

Он же не думал, что я отвечу, правда?!

* * *

У меня был прекрасный завтрак из двух наскоро приготовленных яиц и бутерброда с сыром, так как на блины сегодня времени не имелось. Я потратила его с куда большей пользой, надписывая этикетки для пузырьков, которые собиралась раздать самым, самым,

самым настойчивым дамам. Матушке Торникай, к примеру. Девять дочерей – это сила. И потому я заготовила специально для их вооружения слабительное, зелье для наращивания волос, зелье для наращивания ногтей, снотворное зелье, опьяняющее зелье, отбеливающее зелье и зелье для набора веса. И главное – никаких угрызений совести, морда нарвался сам, и я планировала мстить весьма основательно и всеобъемлюще. Ко всему прочему из окна моей спальни на втором этаже было превосходно видно, как к мэрии приближается карета сестер Блошич... Определенно, сегодняшний день господин наглая, непочтительная и охамевшая морда проведет в маленьком, замкнутом и весьма дурно пахнущем помещении.

А сегодня в полдень, насколько я понимаю, должно быть представление мэра народу Бриджуотера...

Через час заскочила госпожа Торникай – получила зелья, рассыпалась в благодарностях, щедро все оплатила и упрыгала, создав небольшое землетрясение. После потянулась вереница жаждущих устроить личную жизнь, что резко уменьшило количество зелий, которые простояли два года не востребованными. Замучилась пыль с пузыречков вытирать. К обеду дошло до того, что пришлось бегать в погреб открывать ящики с дядюшкиными настойками и спешно на коленке писать для них новые этикетки.

В полдень все ждали представления мэра.

Весьма дольная собой черная ведьма устроилась на маленьком балкончике, примыкающем к спальне, за столиком с чашечкой чая и кусочками сыра с плесенью, дабы понаблюдать за всеобщим разочарованием. В отличие от присутствующих, наблюдательная я засекла момент, когда бледные сестры Блошич растерянно улепетывали из мэрии, и сделала соответствующие выводы. Судя по тому, что мэр не вышел знакомиться с народом, выводы были абсолютно верны.

* * *

К вечеру примчались сестры Блошич, потребовали денег за зелье, которое вообще не сработало. Сделав большие глаза, спросила, почему они решили, что не сработало. Сестры переглянулись. Предложила обеим прочесть, чего там, на пузыречках было написано мелким почерком. Достали, прочли: «Ждать начала действия через четверть часа, затем принять повторную дозу».

– Повторную дозу дали? – поинтересовалась классическая черная ведьма, постукивая черными накладными ногтями по стойке и откровенно любуясь собственным изображением в зеркале.

– Нет, – сникли сестрички.

– Ну и чего стоим, кого ждем? – спросила я.

Блошич ускакали в направлении мэрии. А я говорила, что поваром у мэра их родной дядька работает?

Да, кто-то проведет и ночь тоже в маленьком помещении, проклиная все на свете.

Ночью, закончив пересчет оставшихся зелий и расставив на опустевшие витрины новые «Приворотные», глянула на мэрию. Там, на втором этаже, где находились жилые помещения, одиноко горела свеча... Злорадно похихикав, легла спать. К слову – сильно сомневаюсь, что кто-то сегодня успел распаковать чемоданы.

А ночью в мою дверь постучали.

Сонно зевнув, я повернулась на другой бок и собралась поспать. В двери постучали снова, на этот раз не в пример громче и настойчивее. А потом и вовсе так, словно планировали дверь к чертям выбить.

Что за хамство?!

Поднявшись с постели, взяла свечу и пошла открывать, намереваясь жестоко отомстить пробудителю. Пока спускалась, в двери барабанили все настойчивее. Короче, кажется, теперь не только стойка, но и фасад в ремонте нуждаются. Ругаясь сквозь зубы, подошла, распахнула сотрясающуюся от ударов дверь.

На пороге стояла морда.

Побледневшая такая, с темными кругами под глазами, заострившимся носом, посиневшими губами и в белом банном халате.

В моем направлении ткнули пальцем и прорычали:

– Вы!

– Склероз? – недружелюбно поинтересовалась я, наслаждаясь видом пострадавшей морды. – Между прочим, мы уже знакомы.

Морду перекосило. Мэр полез в карман халата, извлек знакомый мне пузырек, на котором еще вчера было написано «Сильнодействующее слабительное», а ныне красовалось «Огненная страсть», и взревел:

– Ваше?!

Брезгливо взяв пузырек двумя пальцами, осмотрела и вернула со словами:

– Нет, я таким не пользуюсь, предпочитаю естественные отношения.

Из груди морды раздалось глухое угрожающее рычание, из живота гораздо более угрожающее урчание, и я испугалась. За свой нужник, естественно.

– Знаете, – протянула осторожно, – вам бы желательно домой бы... в смысле в мэрию. А то рискуете не добежать.

Повторное урчание в животе полностью было со мной согласно.

А морда нет.

– Вы! – прошипел, краснея, господин мэр. – Это госпожа Блошич купила у вас!

Пожав плечами, сразу предупредила:

– В нужник не пуцу.

– А мне уже не нужно! – взревел мэр.

– Да? – скепсис скрывать не стала. Затем повторно взяла бутылочку, обратила внимание на то, что в ней болтались лишь весьма скудные остатки зелья, и, возвращая «Огненную страсть», честно сообщила: – Нужно. Поверьте мне как специалисту – после такой дозы у вас это «нужно» продлится как минимум до рассвета. Доброй ночи.

Морда хотел было что-то сказать, но в этот момент в животе вновь заурчало, и новоявленный градоправитель не сумел выдавить из себя ни звука, боясь оконфузиться. То есть вербально он безмолвствовал, но глаза, но выражение лица, но сжимающиеся кулаки...

– Пока-пока, – пропела крайне довольная собой ведьма, закрывая дверь перед носом натужно краснеющего посетителя.

К слову, уходил он, гордо чеканя шаг, и ускорился только после того, как миновал

фонтан, в надежде, что я уже не увижу. Зря – черная ведьма сидела на чердаке, у маленького пыльного окошка и все увидела.

Жизнь прекрасна.

* * *

Из-за ночного происшествия я проспала рассвет и пробежку, а потому настроение утром было преотвратное и все бесило. Едва успела после завтрака надеть ведьминскую униформу, зашел господин Оверн, заместитель главы городского совета. Пробубнил что-то про постановление мэра, сунул бумажку на выселение... под моим внимательным взглядом бумаженцию забрал, скомкал, засунул в карман, после жалобно спросил мазь от суставов.

В обед зашел новый священник, спросил, не желаю ли я поучаствовать в аутодафе. Согласилась при условии, что сжигать будем священника. Мужик почему-то отказался и не изменил своего решения даже после того, как я расписала, как это все будет тепло и весело. После моего рассказа Доминус побледнел и поспешил откланяться. Жаль, хотелось развлечься.

Вечером состоялось представление мэра населению города. Морда был бледен, заметно пошатывался, но таки прочитал речь про то, что потерпит, а что нет, в своем городе. Собственно, как и следовало ожидать, черных ведьм мэр терпеть был не намерен. Это он зря. Я-то жалостливая, ну Люсинда тоже, может, его пожалеет как объект возможных матримониальных планов, а вот Мадина такого не прощает... Но как я ни рассматривала толпу, Мадина видно не было, что странно. Люсинду заприметила сразу – та сидела в уличном кафе на самом удобном месте и слушала речь, потягивая коктейль, кстати, мне махнула приветственно. Старая Грехен, шаркая ногами, прошла мимо собрания, сама прошла, а вроде как слегла уже, крепкая старушенция, но вот Мадина не было. Странно. Надо бы зайти, провести.

К слову, после заявления морды о нетерпеже черных ведьм энтузиазма у жителей поубавилось, зато артель гробовщиков заметно оживилась, походу сегодня-завтра пойдут снимать мерки.

А потом новый градоправитель сделал ход конем и объявил невероятное:

– В связи с военным положением, на которое переходит королевство, в город вступают два полка, а к городскому порту будет пристроен военный форт.

Площадь погрузилась в напряженное молчание.

– Черт! – выругалась черная ведьма, едва не поперхнувшись чаем.

Люсинда обернулась, посмотрела на меня. Грехен, еще не ушедшая с площади, тоже остановилась.

Тьма, жизнь перестает быть томной! И мне тут только не хватало гарнизона с солдатами и офицерами! Черт!

Толпа жителей радостно загудела, мамаша Торникай и вовсе грохнулась на колени и вознесла хвалу небесам, ее тучные дочери принялись радостно приплясывать... Мда, девятерым из прибывших военных сильно не повезет в жизни.

Расходились все в радостном возбуждении, обсуждая предстоящие изменения в быту портового городка. Злая ведьма, медленно допивая чай, смотрела на морду, который стоял на балконе мэрии, упираясь руками в поручень и мрачно сверля взглядом собственно ведьму.

Отсалютовала чашкой. Некоторые нервные психанули, развернулись и ушли. Жаль его. Это вчера была смена повара, который дядька сестер Блошич, а сегодня на смену сестра мамыши Торникай заступает...

Кстати да, ночь же впереди.

Перед закрытием лавки повесила на дверь объявление: «Неуважаемый мэр, выломаете мне дверь, ремонтировать будете всей мэрией». И подпись «Госпожа черная ведьма». После чего довольная собой легла спать.

* * *

Разбудил меня странный звук – кто-то зло жевал рядом. Открыв глаза приподнялась, всмотрелась в массивную волосатую фигуру, которая когтями кромсала мой хлеб и жрала мое копченое мясо, заедая это все лично мною законсервированными солеными огурчиками, и потрясенно спросила:

– Охамел?!

– Двери на месте, – прорычал морда, в один укус уничтожая половину балыка, который я заготовила для похода к Мадине.

К слову, выглядел ночной визитер весьма примечательно – волосы и борода до плеч, из-под халата были видны чрезмерно волосатые ноги, руки так же густо покрыты растительностью, ну и когти внушительные – что на руках, что на босых с остатками тапков ногах. Короче, судя по всему, сестрица матушки Торникай успела опробовать только два зелья – для роста волос и роста ногтей. Эффектом, кстати, можно было смело гордиться, ибо эффект был налицо.

– Я сейчас доем, – жуя, сообщила мне зверская обозленная морда, – а после вас убью!

– Слушайте, – я повернулась на бок и подперла голову рукой, чтобы удобнее было обозревать картинку, – а чего это вы решили трапезничать в моем доме, мм-м? У меня, между прочим, еда дорогая.

– Не беспокойтесь, – ответил господин монстроподобный мэр, – я вам свою принесу! И выпечку, и супы, и мясо в винном соусе, и...

– Спасибо, не нужно, не обеднею, – представив, что может находиться в свежей выпечке и остальной стряпне сестры мамыши Торникай, решительно заверила я.

Глухо прорывав еще что-то, мэр, устроившийся на краю моей кровати, продолжил ужинать. И аппетит у него был зверский.

– А быстро вы в себя пришли, после такой-то дозы слабительного, – задумчиво отметила я.

Морда перестал жевать и взбешенно уставился на меня.

– Кстати, чемоданы как, не распаковали еще? – поинтересовалась невинно.

Хмыкнув, мэр прожевал что во рту было, сглотнул и зло произнес:

– Госпожа ведьма, вы же понимаете, что я это так просто не оставлю!

– Понимаю, – сладко зевнув, протянула.

– Хотите жить в Бриджуотере, извольте следовать правилам и селиться на окраине, а не в центре! – продолжил гневную тираду.

– Да-да, – издевательски подтвердила я.

Мэр хватанул зубами мясо, прожевал, сглотнул и добавил:

– Завтра в город прибывает белый маг.

А вот это уже интересно. Перестав демонстративно позевывать, посмотрела внимательнее.

– Надеюсь, вы понимаете, что это значит? – яростно сузил глаза мэр.

– Конечно, – я расплылась в самой что ни на есть довольной улыбке, – белый маг в моем городе! О Тьма, вот это подарок! – села на постели, поправила волосы, после сорочку, после грудь, чтобы в кружевной лиф легла попривлекательнее, после... – Так, а что это вы на меня смотрите и совсем мое мясо жрать перестали? – спросила у морды.

Мэр сглотнул толком не прожеванное.

– Уже наелись? – недружелюбно поинтересовалась я.

Он недобро прищурил глаза под мохнатыми бровями.

– Ну раз поели, катитесь отсюда подобру-поздорову. – Мои глаза полыхнули зеленым огнем.

Обычно этого хватает с головой и все растворяются в пространстве, но не этот тип. Мохнатая морда, почесав бороду, нагло спросил:

– А не слишком ли вы вызывающе себя ведете, госпожа ведьма? Между прочим, перед вами разъяренный, по вашей милости излишне волосатый и когтистый мужчина, которого небеса вовсе не обделили силой. И вы – совершенно незащитная зарвавшаяся девчонка!

Скептически изогнув бровь, я спокойно спросила:

– Морда, а кто тебе сказал, что я незащитна?

Дохрай закрутился зеленоватым дымом возле моей постели, принимая свой истинный облик – монстра. Зеленого, громадного, мускулистого монстра, чьи когти были куда внушительнее, чем у мэра. И косматый градоправитель побледнел.

– Кстати, – я посмотрела на свои ногти, демонстративно потерла их о рукав, чтобы заблестели, – убивать вы меня, господин мэр, не собирались. Напугать, призвать к порядку, впечатлить в конце концов, но не убивать. Потому что приди вы с желанием моей смерти, Дохрай изничтожил бы вас еще на пороге.

Мэр не шевельнулся, пристально глядя на меня. Глянул на хранителя дома, после вновь на меня и совершенно спокойно, вовсе даже не дрожа, произнес:

– Но вне дома вы незащитны.

Надо же какая осведомленность.

– Рискнете проверить? – полюбопытствовала ехидно.

Градоначальник повышенной волосатости медленно поднялся, гордо развернулся и ушел, бросив на пороге:

– Мы еще побеседуем, госпожа ведьма.

Зевнув, я смахнула оставленные им крошки с одеяла, повернулась на другой бок и постаралась снова заснуть, приказав сонно:

– Дохрай, дверь запри.

* * *

Рассвет не пропустила. Отбегав по лесу в свое удовольствие, вернулась на полянку, достала плащ, надела, вышла из лесу, прошла к городу, миновала калитку и слышала сдавленное от одного из стражников:

– Затаились бы вы, госпожа ведьма.

Удивленно обернулась – все шестеро стражников с опущенными забралами подтверждающе закивали. Смотрю на них, сержант Уртис торопливо добавил:

– На рассвете маг прибыл, белый, военный, по вашу душу, госпожа ведьма. Опасный такой, на белом коне, доспехи белые. Из ордена.

Ведьма призадумалась.

– И не один, – добавил капрал Добмак.

– А вы сегодня кого уморили, госпожа ведьма? – робко поинтересовался солдат из новобранцев.

– Стражника одного, из особо говорливых, – не задумываясь, ответила я.

Караул вытянулся как по струнке.

Солдатик предупреждению не внял и дрожа спросил:

– А... останки?

– Съела, – ответила голодная ведьма. – Зажарила и съела.

Новобранец рухнул как подкошенный.

– Это он от удивления, – сержант Уртис пнул обморочного ногой, не особо заботясь о сохранности солдатских ребер.

– Удивился, как в вас столько мяса влезло, – добавил капрал Добмак.

– Черная магия, – протянула я, припоминая, где у меня завалилось сообразное ситуации регламентированное платье с самым глубоким декольте.

Вообще я сегодня собиралась сходить проведать Мадину, но белый маг – это, скажу я вам, достойный повод изменить планы. К слову – черные ведьмы рождаются исключительно от белых магов, угу. И белые об этом в курсе, поэтому бегают от нас как от чумных, но... численность черных ведьм неуклонно растет, что говорит о двух вещах – настойчивости, нам свойственной, и собственно о том, что белые маги плохо бегают. Кстати, возраст у меня уже подходящий, соответственно, дочка вовсе не помешает, а совсем даже наоборот.

– Бе-е-елый ма-а-аг, – произнесла я с придыханием, – и главное – сам пришел, даже искать и в столицу летать не пришлось.

Стражники разом отшатнулись, лежащий солдатик отполз.

– Шикарное начало дня, просто шикарное, – и, напевая, я отправилась искать себе извозчика.

К слову, он меня ждал. Вчерашний. На сиденье двуколки обнаружились пирожок, букетик цветов и бутылочка с чаем.

– Забывательное зелье? – усаживаясь, поинтересовалась у мужика.

Извозчика передернуло всего, но кивнул. Ясно, у Люсинды брал, а та с него оплату натурой потребовала. Нет, сама Люсинда очень даже ничего и в пятьдесят пять, но от ее темперамента уже двенадцатый муж сбежал, вот и отрывается на несчастных клиентах.

– Ладно, ко мне поехали, дам восстанавливающее зелье.

Мужик обернулся, взглянул поначалу с недоверием, после уже оценивающе.

– Я тебе не Люсинда, – предупредила сразу.

Почему-то тяжело вздохнул, отвернулся, приказал лошади «Трогай», и мы поехали.

А перед моей лавкой меня ждали! И кто ждал! Целая толпа ждала! И мэр тоже ждал! Но это все мелочи – там был маг! Настоящий белый маг! Весь в белом, и плащ тоже белый, и волосы золотые до плеч, не то, что у некоторых, опять коротко стриженные. И у белого мага была стать, разворот плеч... ну, в этом он тем самым некоторым немного уступал, но золотые эполеты, белый мундир и золотая кираса делали свое дело, представляя мага в наиболее внушительном виде.

– Ой, госпожа ведьма, а может, вы сегодня где-нибудь спрячетесь? – встревожился за меня почему-то извозчик.

– Да вы что, там же такой мужчина! – воскликнула вся довольная я.

Маг-то был молодой, едва ли сорок стукнуло, суровый, роскошный такой, просто ух!

– Так, госпожа ведьма, они же вас убивать будут, – понизив голос, попытался донести до меня извозчик.

Хмыкнув, я покачала головой и коварно протянула:

– Это они так думают, наивные.

К слову, пока подъехали, толпа увеличилась. И не могу сказать, чтобы все жаждало моей крови, напротив – единственная помидора, которая вылетела из толпы, попала, и видимо совершенно случайно, так как я еще не доехала даже, в белого мага. Тот картинно вскинул руку, щелкнул пальцами, и его окружило сияние защитного поля. В толпе раздался разочарованный вздох, новое начальство оглянулось на толпу и рыкнуло:

– Разошлись!

И толпа отошла. Ага. Шагов на семь.

В этот момент подъехали мы с извозчиком. Мужик, видимо опытный, поставил двуколку между лавкой и толпой, видимо думая, что я сбегать буду.

Но я не успела.

Только двуколка остановилась, как морда, причем уже безволосая и даже с ногтями нормальными, хмуро спросила:

– Госпожа ведьма, а где это вы шляетесь по ночам?! – И тон такой негодующе-обвинительный.

Нет, определенно хамеем.

Придерживая пальчиками капюшон, чтобы не дай Тьма не свалился перед целым белым магом, являя меня не в образе, я снизошла до ответа:

– По ночам, господин мэр, когда вы не вламываетесь ко мне в стремлении поесть задарма, я сплю. А вот утром уже промышляю убиением девственниц, распитием крови младенцев и собственно оргиями, да-да.

И вокруг так тихо стало. Тихо-претихо... даже слышно, как в порту орут грузчики и чайки.

– Госпожа ведьма! – прорычали взбешенно.

– Никуда не уходите, сейчас вернусь, – крикнула я, убегая в лавку.

На пороге остановилась, вспомнив, что чего-то собиралась сделать. Обернулась. В поле зрения попал извозчик. Точно!

Вернулась, схватила мужика за рукав, умчалась в лавку вместе с ним, и едва дверь за нами закрылась, начала с вопросов:

– Сколько обычно спите в сутки?

При этом лично я улепetyвала в спальню, оставив собственно мужика внизу у лестницы.

– Э-э... ну дык по молодости всю ноченьку, а сейчас, почитай, пять часов, если выпадет, так уже слава небесам.

Ботинки полетели по ступеням вниз, рубашка, штаны остались на полу в спальне, я в полотенце ринулась в душ, крикнув оттуда:

– Что вы обычно едите?

Судя по голосу, мужик подошел ближе к лестнице и теперь говорил, запрокинув голову:

– Так похлебку, кашу, супы...

– Мясо вам нужно, – крикнула я, – овощи, зелень. И с пивом не усердствовать.

В этот момент полилась холодная вода, вместо теплой, я взвизгнула и занялась собой.

Выскочила из душа через три минуты мокрая, взбодренная больше некуда и уже собиралась задать следующий вопрос, как услышала внизу голос мэра:

– А что это вы тут делаете?

– Так это, – извозчик, судя по раздававшемуся тихому скрипу на пару ступенек, поднялся, а теперь спускался быстренько, – так госпожа ведьма меня лечить изволит.

– В своей спальне? – Кто-то, судя по голосу, взбесился.

– Ну дык... че-е-ерная ма-а-агия, – подобострастно протянул мужик.

– Пошел вон! – рявкнул морда.

– Э, господин мэр! – возмутилась я. – Нечего в моей лавке распоряжаться! Господин извозчик, одну минуточку, я сейчас спущусь.

Но минутой тут дело точно не ограничится, это я поняла, как только открыла сундук. Тьма, да где же оно?! В белье, чулках и туфлях на самом высоком каблуке – я отчаянно рылась в этой зловредной магической штуковине, которая вечно прятала то, что мне нужно. Я ругалась, вышвыривала гремуары и фолианты, обнаружила змею, секунды три смотрела на нее потрясенно, прежде чем понять, что это муляж, вышвырнула, неудачно попав в стакан с водой, который грохнулся и разбился.

Почти сразу вслед за звоном прозвучал вопрос:

– Госпожа ведьма, а чем вы там занимаетесь?

– Платье ищу, – буркнула я, занырявая в недра сундука.

И ведь ржет сейчас, гад, точно знаю, что ржет. Штука это старинная, мне от бабки досталась, так вот она рассказывала, что сундук однажды ее жениха спрятал. И все бы ничего, отдал потом, да дело было в день свадьбы.

– Сожгу, скотина! – окончательно взбесилась я.

Сундук подумал, скрипнул отодвигаемой панелькой, и на ворох вещей вывалилось оно – мое лучшее платье!

Радостно взвизгнув, я стукнула сундук напоследок, вскочила, прижимая черную бархатную ткань к груди, и... Не, ну морда совсем охамел!

Он, собственной персоной, стоял в дверях моей спальни и пялился на ведьминское белье!

– Господин мэр, – у меня от неожиданности даже слова нашлись, – вам жить надоело?

Морда отрицательно покачал головой, медленно поднимая взгляд от моих туфель на высоком тонком каблуке до собственно края черных кружевных чулок, где и завис.

– Тогда позвольте узнать, – я когда злая, дико вежливая становлюсь, – что вы тут, мать вашу, делаете?!

И дабы не терять время на некоторых, продолжающих зависать на уровне края чулок и начала подвязок, торопливо платье напялила. Черный бархат до бедер обтянул мое тело как

перчатка, дальше ткань ниспадала, прикрыв даже туфельки. Повернувшись к зеркалу, я поправила декольте, которое заканчивалось почти на середине живота, и грудь в нем смотрелась ну очень аппетитно.

От двери раздался сдавленный стон, а затем хриплое:

– Что это за наряд, мать вашу?!

Обернувшись через плечо, поморщилась и как маленькому объяснила:

– Господин мэр, это стандартный наряд для охоты на белого мага. Все по регламенту – платье, кружевное белье, черные чулки, туфли на каблучке. Осталось только легкий макияж и волосы зачернить.

Из всей моей тирады морда ухватился только за одну фразу, которую и повторил в священном ужасе:

– Для охоты на белого мага?!

Раздраженно топнув ногой, я подбежала к зеркалу, схватила щетку, нанесла на нее краску и начала расчесывать волосы, превращая каждую прядь своих непокорных вьющихся каштановых кудряшек в черный, более длинный, прямой, блестящий локон, нервно поинтересовалась:

– Господин мэр, а как, по-вашему, размножаются черные ведьмы, а?

Он не ответил, и пришлось продолжить:

– Для размножения нам нужен маг, причем непременно белый. Только от белых магов рождаются потомственные черные ведьмы. К слову, у меня уже возраст подходящий, как раз собиралась по осени в столицу слетать, найти себе мага, а тут от вас такой шикарный подарок.

Мэр издал нечто нечленораздельное и сухо спросил:

– А то, что белые маги истребляют черных ведьм, это вас не смущает?

– Да бросьте, – я отложила расческу, полюбовалась черным водопадом волос до пояса, подкрасила ресницы, подвела глаза, взялась за белила, – все, что нас не убивает, делает сильнее. Ко всему прочему меня не так легко истребить, как вам кажется.

– Уже понял, – прошипел мэр.

А затем, даже не извинившись, развернулся и вышел. Я сбежала за ним следом, цепляя на ходу серьги и кольца. Увидевший меня извозчик охнул, попытался сесть и, промахнувшись мимо стула, грохнулся на пол.

Есть эффект!

– Ух, госпожа ведьма! – потрясенно выдохнул мужик.

Мэр покинул лавку, хлопнув дверью так, что та покосилась и жалобно закричала. Подмигнув извозчику, я обежала стойку, достала четыре бутылочки и пустой пузырек. Руки, несмотря на нервозность от предстоящего свидания с белым магом, не дрожали, я вообще всегда сосредоточена в момент составления зелья. Через минуту протянула подошедшему мужику пузырек темно-изумрудного цвета и зачитала инструкцию:

– Пять капель по утрам за завтраком.

Он обалдело закивал, не отрывая взгляда от декольте.

– Ясно, сейчас все напишу, – тяжело вздохнула я и быстро написала.

Быстро-то быстро, но когда я выбежала из лавки под восторженный вздох толпы, взгляду моему представились две спины. Одна принадлежала белому магу, который уезжал на север, видимо к дому Люсинды, а вторая – морде, который, рассекая толпу как крейсер волны, двигался к мэрии.

От возмущения я едва не выронила остроконечную шляпу, долженствующую завершать образ ведьмы на тропе охоты за белым магом, и... и...

– Пожалел господин мэр вас, – раздался бас матушки Торникай, – сказал, что тут сам разберется, а мага отправил к другим ведьмам.

Из моего горла раздался сдавленный писк, а после вопль:

– Что?!

Шляпу я таки потеряла. Она упала, покатилась по ступеням. Из толпы выбежал маленький мальчик, подобрал, быстренько отнес мне.

– Спасибо, – ответила несчастная черная ведьма, шмыгая носом.

И я бы его вернула, мага в смысле, но кодекс ведьминский запрещает добычу у коллеги отбирать!

В толпе сочувственно повздыхали.

– Так, госпожа ведьма, Люсинду ваш маг убьет и вернется же, еще сварите из его костей похлебочку-то, – попытался меня утешить булочник Гротен.

– Да кому нужны его кости! – возмутилась я, утирая слезы. – Мне маг нужен! Белый маг, я дочку хочу! А он к Люсинде! Так не честно! Он мой был! Я даже платье по регламенту надела!

– Э-э... – протянула матушка Торникай.

– Тяжела ведьминская доля, – сочувственно закивал торговец Богут.

А я... я вытерла злые слезы и психанула. В конце концов, это все мэр! Чертов морда! И пользуясь тем, что он собственно далеко уйти не успел, разъяренная ведьма заорала на всю площадь:

– Господин мэр, все, это война, ясно?!

Он остановился, медленно обернулся ко мне. Толпа, возбужденная и теперь уже очень довольная, разошлась, образуя широкий коридор и затаивая дыхание, чтобы все лучше слышать. А наглая морда взял и ехидно спросил:

– И что, чемоданы не распаковывать?

Ну все!

– Что-то, я смотрю, вам мои чемоданы покоя не дают, госпожа ведьма, – продолжил мэр. – И к слову, чтобы вы понапрасну не тревожились – уже распаковал, вещи по полкам разложил. А вот вам советую вещички собрать, потому что вашу развратную особу я в своем городе не потерплю.

– Развратную особу?! – не веря в услышанное, переспросила я.

– А вы бы на себя в зеркало посмотрели, госпожа ведьма, стыдоба и разврат, а не наряд у вас, – заявил он.

У меня от возмущения шляпа опять из рук выпала.

– Да это регламентированный кодексом наряд для охоты на белого мага! – заорала я.

Градоначальник развел руками и ехидно спросил:

– А что, вы здесь где-то видите белого мага?

– Нет! – возопила я. – Вы же его уже к Люсинде услали!

– Вернется еще, – нахмурился вдруг мэр.

– Да с ее темпераментом он после этого месяц к производству потомства будет негоден! – У меня от возмущения дыхания не хватало. – Верните мне мага, вы... вы... сволочь бесчувственная!

Хмыкнув, мне указали на удаляющуюся спину, восседающую на галопирующем конском

заду, и предложили:

– Догоняйте, госпожа ведьма.

Нормально, да?!

– Я не могу. – У меня опять глаз задергался.

– Серьезно? – изумились почти искренне. – Гордость проснулась?

– Да какая гордость! – Мне реветь хотелось. – По ведьминскому кодексу я не могу отнимать белого мага у коллеги!

Коварной усмешке морды могли бы позавидовать даже акулы. Но мэр этим не ограничился.

– Всегда полагал, что черные ведьмы совершенно независимы, а у вас и одежда по регламенту, и зачатие по кодексу. Какая-то вы ненастоящая ведьма, госпожа Герминштейн.

Рядом со мной сверкнула молния. Довел! Убью!

Но мэр отвернулся и потопал в мэрию! Не оглядываясь больше!

Из толпы донеслось детское робкое:

– Госпожа ведьма, будете мстить?

– Да, – прошипела взбешенная я.

– Чего нести? – уже взрослый заинтересованный голос.

– Дрова, котел, ведро воды... – Глаз все равно дергался. – А я сбегая, переоденусь.

Когда вернулась в уже закрытом платье, ботинках и шляпке вовсе не парадной, народ уже все приготовил. То есть мужики забежали в мою лавку и выволокли огромный котел, который лично для меня был неподъемным, мне его Грехен к открытию лавки подарила, и дров натаскали, и ведро воды терпеливо дожидалось, и держатель для котла, который подарила Мадина... Эх, завтра обязательно к ней зайду.

Стоило мне показаться на пороге, как мужики сноровисто котел на держатель установили, дети под котелок дров напихали, женщины просто стояли в ожидании чуда.

– Может, немного дождь пойдет, – предупредила я.

Народ уже знал и молча продемонстрировал заготовленные зонтики. Вот, сразу видно, что уважают черную магию и ко всему готовы, не то, что этот... Зло глянула на мэрию.

В небе прогремел гром, небосвод начал стремительно темнеть.

– И это чтобы рыба пошла, – попросил господин Ронум, капитан одного из рыболовецких баркасов.

– Ладно, – устало согласилась я.

Местные уже знали, что после большого колдовства остаточная энергия высвобождается и ее куда-то девать нужно. В прошлый раз про посевы просили, сейчас вот, видать, между собой договорились и про рыбу решили попросить. Мне несложно и им приятно.

Начали.

Я глубоко вдохнула и вскинула вверх левую руку, правой призывая метлу. Она у меня древняя, еще от прабабки досталась, потому и пользуюсь редко. Небо отозвалось воронкой из черных туч, в которой засверкали молнии, метла медленно подлетела и позволила сжать свой черенок.

И волшебство началось!

От удара молнии вспыхнули дрова под котелком, и почти сразу забулькала, вскипев, вода, но это было только началом.

– Этаргана, хэаргера, самштарра! – провозгласила я.

И пританцовывая под ритм вспыхивающих в чернеющем небе молний, из лавки

потянулись зелья, декокты, сборы, шесть крылышек летучих мышей, десять лягушачьих лапок, порошок из змеиной кожи. Да-да, немного по-детски, но не убивать же мне его.

– Ассара эт маршенг! – раздалось заклинание.

И все ингредиенты, сделав круг над кипящим котелком, устремились в варево. Огонь вспыхнул сильнее!

Я тебе покажу «ненастоящая ведьма», ты у меня еще запакуешь свои чемоданы, морда наглая!

И когда кипение достигло апогея, я вскинула вверх метлу и молча, без единого звука направила зелье в заревевшую от напряжения воронку! Грянул гром! Завыл ветер! Полился дождь! Пригнулись деревья! Вспыхнули огнем тучи!

И все было кончено.

Ветер рассеял остатки облаков, и в небе вновь засияло яркое утреннее солнышко, тепло так стало, и присутствующие сложили уже не нужные зонты.

– Все? – спросил капитан Ронум.

– Ага, – отозвалась устало. – Идите, рыба до заката косяками ловиться будет.

Половину присутствующих как ветром сдуло.

– А это, мэр выживет? – любопытствовала матушка Торникай.

– А зачем он вам, все равно скоро целый гарнизон с офицерами прибудет, – напомнила о неизбежном.

– И то верно! – обрадовались в толпе.

– Так богат, молод, красив, – заныл кто-то знакомым голосом.

Присмотрелась – одна из сестер Блошич... А я что, я ее в прошлом году от такой болячки лечила, которая периодически потом выскакивает, так что...

– За усовершенствованными приворотными зельями приходи завтра, – сказала выдохшаяся черная ведьма, – а я спать, вымоталась. И обидно мне.

Обидно было до слез. А меня бесит, когда мне обидно! И вообще теперь нужно спать, я выложились.

Развернулась и ушла наверх. Народ Бриджуотера к вечеру затащил остывший котелок в лавку, и на этом все.

Потом приходила госпожа Дурвен, из хлебной лавки, что расположена по соседству. Принесла булочек с яблочным джемом, посидела, подождала, пока я, разбуженная запахом, спущусь.

Спустилась. Пока сонно растирала глаза, женщина торопливо сообщила:

– Господин мэр стражников отправил к Люсинде, приволокли мага белого... потрепанного...

Даже не удивлена, Люсинда своего не упустит.

– Тьма! – выругалась я, пнув лестницу.

– Не отчаивайтесь, госпожа ведьма, вы девушка молодая, еще найдете своего мага.

– Найду, – подтвердила я, – вот только теперь за ним придется в столицу летать.

– Может, этот оклемается? – предположила госпожа Дурвен.

Шмыгнув носом, устало сказала:

– Может, и оклемается.

– Чаю?

– Давайте.

Потом мы с госпожой Дурвен пили чай. Ужин мне готовить все равно не хотелось, так

что очень кстати пришились принесенные гостьей булочки. И хотя точно знаю, что выпечка в соседней лавке чудесная, вкуса первой булочки вообще не почувствовала, а вторую едва не выплюнула...

Потому что совершенно без предупреждения дверь распахнулась, и на пороге возник новый градоначальник! А на голове у него сидела жаба. Здоровенная такая. И злая, прямо как он.

Плюнув с досады, сказала:

– Знаете, господин мэр, приличные джентльмены, входя в помещение, головной убор обыкновенно снимают.

Морда издал глухой разъяренный рык.

Игнорируя заинтересованный взгляд госпожи Дурвен, меланхолично спросила:

– Змеи уже были?

Господин мэр молча достал из кармана черного гремучника, вышвырнул на улицу, и тот шустренько пополз прочь.

– А мыши? – продолжила я.

Прищурился.

– Ага, значит мышки еще впереди. – Я широко улыбнулась, сверкнув зубами.

Мэр тихо выругался, снял жабу с головы, вышвырнул на улицу, стремительно вошел в лавку и закрыл дверь. Жаба, видимо горевшая желанием вернуться на теплое место, попыталась было запрыгнуть обратно и попала в стекло, распластавшись всеми лапами.

– Вот Тьма, весь аппетит испортили! – выругалась я, отставляя уже надкушенную булочку. – И вообще, господин мэр, шли бы вы к себе в мэрию огребать по полной программе за мою испорченную личную жизнь!

В этот момент в окно застучали слетевшиеся к жертве летучие мыши.

– Сваливайте, – я указала на выход, – вас там уже ждут.

Мэр достал платок, вытер руки и зло спросил:

– Слушайте, госпожа ведьма, дался вам этот белый маг!

– Вон, – просто сказала я.

Госпожа Дурвен тихо хихикнула, она-то уже знала, что бывает с теми, кто с первого раза не понимает и из лавки не выходит. А морда еще не знал. И когда появившийся черный смерч внезапно возник и вышвырнул его за двери, очень удивился.

А потом там, за дверью, раздавался писк и шуршание многочисленных крыльев, крики прохожих, команды стражников и много чего еще, а я преспокойно ела булочку и пила чай.

– Жестоко вы, – заметила госпожа Дурвен.

– Профессия обязывает, – хмуро ответила я.

– Еще чаю?

– Угу.

* * *

Мышки досаждали мэру до рассвета. А едва встало солнце, пришел в себя белый маг и собственно спас нанимателя. Так что когда я утром вышла из лавки, моему взору представилась обгаженная гуано площадь и мэрия, причем мэрию явно придется шпакатурить заново. Сам виноват. И вот теперь, проходя мимо лавки черной ведьмы, морда

наконец начнет бледнеть и проявлять знаки уважения. А то лавка ему моя не нравится, и платье по регламенту не нравится тоже, и... И в конце концов, пострадать сильно он не должен был, я даже змеям запретила его кусать.

– Госпожа ведьма, куда изволите? – подъехал ко мне извозчик.

Не вчерашний, а один из местных.

– На окраину, – забираясь в двуколку, ответила я.

* * *

На выходе из города стражи мне уважительно поклонились и, главное, никаких вопросов не задали. Разве что сержант вслед шепнул:

– А какой улов был, госпожа ведьма, за десять лет такого улова никто не припомнит.

Махнула рукой неопределенно и вышла за калитку в воротах.

Лес встретил меня пением птиц, которые на рассвете орали особенно громко, ароматами трав, запахом свежести. Сделав глубокий вдох, потопала на свою полянку, зевая по пути. Подошла к дереву, сняла плащ, засунула в дупло. Откинула небрежную косу на спину и сорвалась на бег.

Лес, светлеющий небосклон, птички, цветы – чудно!

И я бежала по извилистой тропинке между деревьями, подставляя лицо ветру, улыбаясь всему свету, чувствуя в груди полет, и...

Петля, рывок, хруст!

Мир перевернулся, я вскрикнула от удивления больше, но затем и от страха завизжала.

И во имя Тьмы повисла!

В воздухе повисла! Ошалело крутя головой и осознавая, что в метре от меня собственно располагаются земля и тропинка, а моя правая нога находится в петле, и веревка тянется куда-то вверх, высоко. И я ко всему прочему еще и качаюсь!

Это что за хамство?!

Это... это... это... ловушка?!

– Доброе утро, госпожа ведьма, – раздалось совсем рядом, и меня придержали, предотвратив разброд и шатание черноведьминского тела.

А потом еще и повернули, чтобы я узрела высокие охотничьи сапоги, коричневые охотничьи брюки, широкий ремень и... и, собственно, на этом возможности моего обзора заканчивались. Хотя было бы ханжеством не признаться самой себе, что голос я узнала сразу – морда!

Мэр осознал, что видно мне в таком положении не много, и галантно присел на корточки, оказавшись со мной нос к носу.

– Надо же, – изучая мой нос, протянул морда, – у вас веснушки. Вот здесь, – он еще и ткнул мне в лицо пальцем, – прямо на кончике.

И от этого его тычка черноведьминское тело снова начало раскачиваться!

Мэр придержал меня за плечи и широко оскалился, являя ведьме всю гнусность своего характера.

– До этого поста в Бриджуотере, госпожа ведьма, я занимал весьма немаленькую должность в армии.

– Конюшни от навоза вычищали? – ехидно поинтересовалась я, испытывая стыд за тот

визг, с которым меня и подвесило на дереве.

– Разведка, – пояснили мне спокойно.

– А-а-а, – как можно более ехидно протянула я, – исследовали наиболее безопасные места в тылу, чтобы, так сказать, пережить боевые действия в полной безопасности?

Вообще-то ему полагалось оскорбиться, но кто-то только заулыбался шире, сволочь.

– И как же мне с вами поступить, госпожа ведьма? – очень недобро поинтересовался новоявленный градоначальник, продолжая победно лыбиться.

Так, проблема. Я, конечно, черная ведьма, но без Дорхая мне темные силы не вызвать, оттого и призывать их я могу только возле своего места жительства... Собственно, поэтому и существует закон, обязывающий черных ведьм селиться подальше от домов, то есть на окраине либо вовсе за городской чертой. Просто обычно закон исполняют, не вникая в суть, а морда, похоже, это знал.

– Ну же, госпожа ведьма, долго вы будете молчать?

И как бы ни неприятно было, но заговорить пришлось:

– И чего вы хотите?

Мэр криво ухмыльнулся и спокойно произнес:

– Вы переселитесь на окраину, госпожа Герминштейн, ии вообще покините город.

Ведьма подумала и продемонстрировала жест, который знали самые забулдыжные портовые грузчики, но никак не приличные девицы.

– Вот как? – Морда вскинул бровь. – Госпожа ведьма, а я бы на вашем месте не был столь нахален.

Добавила к воплощению жеста и вторую руку. Мне не жалко.

– К слову, – сообщили мне, прищурившись, – в некоторых королевствах, где мне довелось побывать, подобный жест означает недвусмысленное предложение заняться кое-чем интимным. Предлагаете мне себя в качестве любовницы, госпожа Герминштейн?

Молча убрала жесты, руки и вовсе в карманы засунула, и без разницы, что в висячем вниз головой положении это не слишком удобно.

– Расслабьтесь, ведьмами не интересуюсь.

Где-то рядом заржала лошадь.

– Спокойно, Самсон, – произнес, чуть повысив голос, мэр.

Улыбнулся мне и предложил:

– Продолжим переговоры?

– А это переговоры? – искренне изумилась я.

Морда пожал плечами, поднялся, раздался звук вынимаемой из ножен стали, и в следующее мгновение я повалилась на траву, основательно приложившись головой. А потом еще лежала, зажмурившись и пережидая, пока помутнение и потемнение не пройдут.

– Воды? – предложили вежливо.

– Катитесь к лешему, – зло ответила я.

Мэр рассмеялся, вновь присел на корточки и, разглядывая пострадавшую при падении меня, очень спокойно и даже почти дружелюбно начал говорить:

– Вы поймите, госпожа Герминштейн, времена вашего безраздельного правления в Бриджуотере завершились. Уже завтра в город придут первые отряды военно-морских сил королевства и с ними вовсе не столь лояльный к магии священник. Хотя нет, священник уже прибыл. Неужели вы горите желанием сгореть на костре, госпожа ведьма?

– Пылаю просто, – прошипела, пытаюсь сесть.

Морда придержал за плечо, помогая, но благодарность за это выражать не собиралась. И едва с сидением у меня срослось, продолжил:

– Я понимаю, вы молодая и неопытная, вам сколько – двадцать два-двадцать три?

Молча продемонстрировала неприличный жест.

– Предлагаете заняться этим прямо здесь? – съехидничал мэр.

– Нет, – торопливо убирая руку за спину, ответила я, – смертными мордами не интересуюсь.

Хмыкнув, продолжил:

– Я искренне надеюсь, что данной демонстрации будет достаточно, чтобы вы осознали, насколько беззащитны, госпожа ведьма. Мой вам совет – пакуйте чемоданы, в моем городе вам делать нечего.

С этими словами мэр поднялся, свистом подозвал лошадь и, едва гнедой скакун подбежал, единым движением взлетел в седло. Уезжал мэр не оглядываясь...

Молча поднявшись, я побрела к тайной полянке, все равно уже не до пробежки было. В голове звенело, перед глазами темнело, а еще кто-то был зол. Очень-очень зол! Твой город, говоришь?! Ну-ну!

Доковыляв до тайной полянки, достала из дупла плащ, надела, поковыляла в город.

У самых ворот увидела мэра. Он сидел на своей лошади и ждал меня. Молча продемонстрировала все тот же жест, из вредности.

– Не упрямитесь, госпожа ведьма, – укоризненно произнес градоначальник. – Просто поверьте на слово – будет, как я сказал, и никак иначе.

Прошла в ворота, для мэра их распахнули, молча миновала всадников, с трудом забралась в ожидающую двуколку. Извозчик даже вопросов не задавал, довез до лавки, взял деньги, уехал.

А я зашла, дверь закрыла и... и заревела, в общем.

Потому что испугалась я!

А кто бы не испугался?! Безопасный до сего дня лес, мои любимые утренние пробежки, и вообще – это было жестоко! И ловушки на черную ведьму – перебор! И я вся одна, маленькая, несчастная и беззащитная-а-а-а...

Но злая!

И потому, поднявшись, вытерла слезы и пошла писать объявление. Большое объявление! Масштабное!

И когда жители Бриджуотера проснулись, они узрели вывеску, затмившую собственно надпись «Лавка черной ведьмы», и эта вывеска гласила: «Распродажа приворотных зелий!». И приписка ниже: «Начнется на закате».

Так что завтрак у меня был на скорую руку, обед тоже не ахти, но зато к закату вся лавка сверкала и переливалась свеженькими, новенькими, сильнодействующими приворотными зельями, на которых значилось «Для мэра», «Для офицера», «Для солдата», «Для нового священника». И я не знала, что было в половине этих пузырьков, потому как пограбила остатки от запасов двоюродного деда, но вот мэру было уготовано все самое отборное – если выживет, я ему не завидую.

После заката началось паломничество всех незамужних дев Бриджуотера и их мамаш. Мэровские зелья скупили за час, потом пошли офицерские, дамы из постыдного квартала разобрали зелья для солдат и почему-то особо дрались за зелья «Для нового священника». Священника уже стало жаль.

В общем, устала я к вечеру как собака, а потому ужинать пошла к матушке Герби, в таверну «Три поросенка». Тут близко было, всего-то шесть лавок пройти – и вот уже огни вывески, официант, воскликнувший «Добро пожаловать, госпожа ведьма!», и теплое заполненное людьми помещение.

Едва я вошла, трое рыбаков тут же освободили мой любимый столик у окна, а стоило сесть, как матушка Герби сама, лично, принесла поднос с мясной похлебкой, свиной рулькой и сыром, в сухарях запеченным. Я подняла голову, собираясь ее поблагодарить, и только сейчас заметила – через два столика напротив сидели мэр и потрепанный жизнью белый маг! И оба, перестав есть, смотрели на меня. У первого так вообще вилка с наколотым на зубцы куском мяса застыла на полпути ко рту.

Психанув, продемонстрировала им тот самый жест, шокировав этим местную публику, встала и пересела так, чтобы сидеть к гадам спиной и чтобы аппетит не портили. Матушка Герби подошла с чаем, опасливо поставила на мой столик поднос и тихо спросила:

– Бесят, да?

– Дико, – согласилась я. Потом добавила: – И аппетит портят.

– Сволочи, – поддержала разговор хозяйка таверны.

Улыбнувшись, кивнула и приступила к ужину. Мне с этого места была превосходно видна луна – огромная, красноватая...

Красноватая?!

Перестав жевать, уставилась на небесный объект, пытаюсь понять, что мне во всем этом так сильно не нравится...

– Добрый вечер, госпожа Герминштейн, – раздался рядом приятный мужской голос.

– Доброго пути подальше от меня, господин маг, – не отвлекаясь от созерцания небесного тела, нервно ответила я.

Что-то не так в этом, что-то совсем не так. Что?!

– Да, а вы вежливая особа, – хмыкнул маг. – Госпожа Герминштейн, вы позволите присесть?

– Нет.

Невзирая на недвусмысленный отказ, белый маг внаглую отодвинул стул напротив и устроил свой беломagический зад за моим столиком, за что удостоился весьма неприязненного взгляда. Вблизи маг оказался симпатичным. Породистый такой. В белой расстегнутой на три верхние пуговицы рубашке, с зачесанными назад волосами, загорелый, белозубый. Привлекательный и об этом осведомленный. Бесит!

Все бесит!

– А вы совсем молоденькая, – продолжил маг. – Год-два как магистериум закончили?

Ничего не отвечая, молча щелкнула пальцами – зеленый огонек выразительно запылал над ладонью.

– Угрожаем? – улыбнулся белый.

Тяжело вздохнув, ответила предельно честно:

– Господин маг, я черная ведьма, мы не угрожаем, мы: первое – предупреждаем, второе – действуем.

Огонек сорвался в сторону зарвавшегося индивида. Предупреждение же уже было, да? А

даже если и нет, то мы черные ведьмы, у нас стыд и совесть отсутствуют. И собственно с огромным удовольствием я пронаблюдала за тем, как огонь охватывает голову белого и в сиянии пламени появляются рога, вытянутая рожа, козлиные глаза и шерсть. Через мгновение белый выдал мрачное:

– М-м-ме-е-е-е-е.

Сверкнув улыбкой, вернулась к ужину, забыв о кровавой луне. Маг тяжело вздохнул, щелкнул пальцами – и вернул себе привычный облик. Решила, что так и буду их звать – мэроморда, маг-рожа.

– М-ме-е-е... хм, – голос рожа тоже вернул. – Нет, в принципе, я вас понял.

Молча подняла руку и щелкнула пальцами.

– Да понял я, понял! – вскинул ладони в защитном жесте белый.

– А по вам не скажешь, – с намеком протянула я.

– В общем, вы не в настроении, – подытожил рожа, поднимаясь.

Огонек сорвался без всяческого предупреждения. Нет, ну он же меня оскорбил, да? Какое вообще право имеет какой-то тугодумный дуб обсуждать мое настроение?!

Огонь охватил мага и через мгновение на его месте стоял дуб. Симпатичный такой, метра два в высоту, с листочками, желудями и в сапогах. Почему ноги остались прежними – Тьма их знает. Но утопывало явление природы, шумно шоркая подкованными железом каблуками. Уже где-то там, видимо рядом с мэром, маг вернул себе прежний вид, и я услышала:

– Навряд ли она, эта добрая.

Что?!

Это я добрая??? Это...

– Мэтр Октарион, вы уверены? – раздался голос морды. – Все же необоснованное применение магии мы с вами имели возможность наблюдать вот только что?

– Необоснованное? – хмыкнул белый. – Господин мэр, козлиная голова и дуб – это, по-вашему, необоснованное применение магии? Вы что, никогда с черными ведьмами не общались? Эта просто милая и приятная девочка, даже ни одного смертельного проклятия не использовала, зря вы на нее наговариваете.

Пальцы щелкнули сами. Нет, правда сами. И в следующий миг за моей спиной вместо морды и рожи сидели две дряхлые базарные бабки с букетом старческих недугов и парочкой смертельных проклятий. Нет, я все понимаю, но назвать меня «милой и приятной девочкой» – это, знаете ли, перебор. У меня, между прочим, репутация.

Подошла матушка Герби, принесла еще чай, тихо спросила:

– Смертельные проклятия не забыли?

– Не, каждому по два впаяла.

– Это правильно, а то, понимаешь ли, никакого уважения к черной магии, – покивала хозяйка таверны.

– Вот-вот, – согласилась я, беря чай.

И в этот миг началось землетрясение.

Небольшое, но ощутимое и для этих мест вовсе не свойственное. Я замерла, держа чашку и прислушиваясь к нарастающему ветру. После кинула взгляд в окошко – луна истекала кровью! Огромная, теперь кроваво-красная, она сочилась кровавым светом...

Прогремел гром!

И все исчезло.

Луна стала прежней, ветер стих, земля прекратила дрожать... вот только ощущение чего-то свершившегося и непоправимого сжало сердце. Забыв про ужин, я торопливо поднялась и вышла на площадь – нет, луна оставалась самой обычной. И ветер. И ночь... А сердце кровью обливалось.

Из таверны донесся голос белого мага:

– Никакой паники, это вовсе не предвестник катаклизмов.

Но народ выбегал из здания, и все ждали, чего я скажу. Это потому, что год назад я предупредила о сильном шторме и посоветовала закрыть ставни и поснимать вывески. Кто послушался, обошелся без убытков, остальные сделали выручку стекольщикам...

– Нет, бури не будет, – тихо сказала я.

– А чего было-то? – спросил кто-то из мужиков.

И правда – что это было?

Ответ пришел сам, интуитивный и страшный.

– Это была смерть, – произнесла я едва слышно, – неправильная, безвременная, дикая и мучительная смерть.

А потом случилось то, что меня вообще дико бесит!

Так уж вышло, что мой двоюродный дед был немного белый маг, слабый и потому стал аптекарем, но факт остается фактом. Так вот, когда ведьма поселяется на постоянное место жительства, она вбивает в это место свой источник силы. Мы ведьмы, мы к земле привязаны, и без такой привязки черная слаба, как новорожденный котенок, а потому и делаем это как можно скорее, часто вообще бездумно. Вот и я источник силы установила, не удосужившись сначала поискать, куда свой деда вбил, он же как маг слабый был, а слабые белые тоже центруются. И так вышло, что практически в то же место и установила!

Теперь вот расплачиваюсь.

– Госпожа ведьма, вы куда? – раздалось мне в спину и даже, кажется, от морды.

Пошел он! Бесит!

Преодолев площадь, вошла в лавку, схватила зелья, даже не задумываясь какие, вышла. Свернула в проулок, прошла мимо домиков с освещенными фонариками окнами, подошла к лавке торговца тканью, открыла ударом ноги. Бесит!

– Ой, госпожа ведьма, как вы вовремя! – обрадовался спешащий на звук едва не выломанной двери торговец.

– Тьма вас раздери! – прошипела вместо приветствия.

Хотя вообще-то я так подозревала, что двоюродный дед мне нарочно лавку свою завещал. Он об особенностях черноведьминских знал преотлично и понимал, что в первую очередь я буду силу центровать, а там в погребе было только одно очень удобное и расчищенное место... Гад!

Поднялась на второй этаж, без стука ворвалась в спальню, с ненавистью посмотрела на молодую женщину, которая встревоженно вглядывалась в уже синеющего ребенка.

– Ой, госпожа ведьма... – пробормотала дочка торговца, – а он не дышит... кажется.

– Только «кажется»? – ехидно переспросила я. – Достали!

И швырнув на столик пузырьки с зельями, начала нервно срывать с пальцев кольца и накладные ногти, все это сунула мамаше со словами:

– Держи.

Ребенка схватила за ногу, вздернула вверх, дала по попке. Младенец захекал, а затем заорал во все детское горло, выплюнув маленький мускатный орех, после дитенка еще и

вырвало.

И вот в этот эпический момент, когда я стою над кроватью, дитя орет и исходит рвотой одновременно, а мамаша зачарованно на все это взирает, – распахивается дверь и врывается морда с оружием наготове.

Дальше раздалось эпическое:

– Ведьма, осторожно положите ребенка и отойдите! Не вынуждайте меня применять оружие!

Все, это была последняя капля в мою чайную ложку терпения.

– Эмилья, будьте так любезны положить мои ногти на стол и разберитесь с придурком, – очень вежливо попросила я.

Я вообще когда злюсь, всегда вежливая.

Но женщина ничего сделать не успела – в комнату ворвался белый маг, перехватил запястье морды и, задыхаясь, что говорит не в пользу его физической формы, затараторил:

– Господин мэр, да она по зову белого источника шла, я же вам сразу сказал. Если бы не она, ребенок уже был бы мертв! Вы меня вообще слышите?!

Тьма, какой позор! Этот... явно по уровню магистр, чтоб его виши растаскали, определил источник! Позор! Тупо позор мне! Твою мать!

– Все, белый, ты труп, – очень спокойно сказала я.

Тот явно знал, что черные ведьмы слов на ветер не бросают, закашлялся, после виновато:

– Я прошу прощения, госпожа Герминштейн, обещаю, информация об этом не покинет стен данной комнаты и...

И в этот момент ребенка перестало тошнить и он заревел еще громче. Быстренько перевернула его, достала платок вытерла испачканную мордашку и, приговаривая: «А ты не тяни больше в рот всякую гадость, и тетя черная ведьма приходить не будет», – понесла к столу. Поставив ногу на стул, усадила ревущего ребятенка на колени, в распахнутый ротик влила пару капель успокоительного и ловко зажала носик, заставляя малыша все сглотнуть. А уже после оставила пузырьки с обезболивающим и пищеварительно-облегчительным зельями и, пока малыш забавлялся, трогая пальчиками мои серьги, быстренько все мамаше расписала, что давать, как и когда. Ну и после всего, положив дитенка на родительскую кровать, колыбелька была вся изгажена, сказала матери:

– Во-первых, верните ногти. – Мне почтительно протянули ворох фальшивых ногтевых пластин и магических ведьминских колец. – Во-вторых, еще раз недосмотрите за ребенком, вырву кишки и намотаю на шею! Ясно?

Эмилья радостно закивала.

Плюнув с досады, кое-как надела кольца, ногти так в карман запихала и удалилась из комнаты, гордо пройдя мимо рожи и потрясенной морды. Бесят!

Мэр, последовав за мной на улицу, окликнул:

– Госпожа ведьма!

Получил в ответ все тот же нехороший жест и отстал. Это ты еще подожди, это пока только начало. Я, сволочь, не успокоюсь, пока ты не свалишь из МОЕГО города вместе со своим белым всезнайкой!

Ночь выдалась нехорошая. Странная ночь. Я слышала стоны, все время просыпалась, кто-то плакал, но я никак не могла понять кто. В итоге встала, закуталась в шаль, спустилась вниз – никого не было, Дохрай спал непотревоженный, дверь была закрыта.

Выйдя на порог, постояла, подставляя лицо прохладному ночному ветру. Рассвет скоро. Но бегать я сегодня не пойду... опасно это.

Внезапно в воздухе что-то шевельнулось. Что-то призрачное, ставшее заметно взгляду лишь при движении, что-то...

– Госпожа Герминштейн, стойте, где стоите! – раздался голос белого мага.

А он достал!

Молча и демонстративно сошла по ступенькам вниз.

– Вот упрямая девчонка! – выругался белый.

Щелкнула пальцами.

И в этот момент огромная черная призрачная кошка ринулась ко мне. В первый момент я даже не осознала, что происходит. Вспыхнул синий огонек призванной белым магии, прорывая купол ловушки, чудище мчалось ко мне, становясь все огромнее и кошмарнее... Откуда-то выскочила стража с факелами, придав освещение происходящему и делая призрака почти бесцветным, и...

И тут я осознала, что Дохрай не кинулся на мою защиту!

А значит...

– Стоять всем! – мой крик на стражников подействовал моментально.

Но не на белого мага, который со своей проклятой Тьмой силой собирался стреножить призрачного духа. Я бросилась к призраку, теряя тапочки и шаль, и выкрикнула, осознав, что не успею:

– Дохрай!

Мой зеленый дух-хранитель возник моментально, ослепив белого и дав мне несколько секунд, чтобы поймать теряющего силы призрака в объятия. И едва дух прикоснулся, я тотчас же узнала его. Узнала, и слезы потекли по щекам, а я опустилась на колени, обнимая того, кто сегодня потерял хозяйку и источник жизни.

– О, Мадина, это была твоя смерть, – рыдания сотрясали.

Откуда-то набежали еще стражники, Дохрай застыл рядом со мной массивным зеленым монстром, а я сжимала гибнущего Гардэма и с ужасом осознала, что в эту ночь в Бриджуотере одной черной ведьмой стало меньше...

– Так это ведьминский хранитель, – раздался безумно раздражающий меня голос белого мага. – Ну вот, господин мэр, а вы опасались нападения на госпожу Герминштейн.

Так еще и морда здесь! Замечательно! Слов вообще нет.

– А это что за девица с кошкой обнимается? – удивился кто-то из стражи.

Конец моей репутации.

Со стоном поднявшись и осознав, что падая ободрала коленки, что вообще не радовало, я скомандовала «Дохрай, прикрой!» и, держа Гардэма, направилась в лавку. Откровенно говоря, я не знала, что мне сейчас делать, просто очень больно из-за смерти Мадины было... А еще я понимала, что...

– Зачем дух к ней пришел? – раздался голос мэра.

– Умирать, – просто ответил белый маг.

Ненавижу! Как же я их обоих ненавижу, но... маг прав, дух пришел умирать, и от этого горше втроене. Тапочки и шаль подхватил Дохрай, он же двигался позади, прикрывая меня от

взглядов, а я просто прижимала к себе духа, ненавидя в этот момент весь мир.

– И он теперь будет гибнуть? – уточнил морда.

– Да, – ответил почти счастливый маг. – Ведьма к своему источнику только одного хранителя привязать может.

Я остановилась.

Застыла, едва поднявшись на верхнюю ступеньку. Один источник – один хранитель, да, это так, но... Но!

– Господин маг, – я повернулась к присутствующим, – а можно вас на минуточку?

Сорочка на мне была ночная коротенькая, волосы ветер трепал, коленки, правда, ободранные, но так, в общем и целом, вид должен был быть привлекательный. И ничего удивительного, что не отрывая от меня взгляда, белый маг, закивав, торопливо направил стопы в мою сторону. Удивительно, что морда за ним последовал с настолько кривым лицом, что даже стражники отшатнулись. Ехидно улыбнувшись, заметила:

– А вас, господин мэр, никто не звал! – Морда остановился. Я мстительно добавила: – У вас и так дел по горло, к примеру, чемоданы паковать!

И, гордо развернувшись, вошла в лавку. Белый маг следом за мной.

– Дохрай, дверь! – приказала, отпуская Гардэма на пол.

В следующее мгновение я оказалась в крепких мужских объятиях, причем этим рожа не ограничился, подхватил на руки, чуть сдвинул так, чтобы мои коленки предстали его взору, и, легонько подув на них, залечил раны. И после этого, совершенно без перехода и каких-либо слов, страстным поцелуем прижался к моим губам! Хамло беломагическое!

Но это было не все!

Я еще не успела даже пальцами щелкнуть, как мне сломали дверь!

А затем раздался гневный голос морды:

– Мэтр Октарион, я не потерплю разврата в моем городе!

Маг, тяжело дыша, оторвался от моего рта, все еще приоткрытого от изумления, вызванного охамением белого, и произнес сакральное:

– Что?

– Отпустите ведьму! – приказал мэр.

Решив, что с белым разберусь позже, я томно прошептала:

– Временно.

Понимающе хмыкнув, белый маг отпустил меня, словно невзначай пройдясь ладонью по всем изгибам ведьминского тела. Ничего, потерпим. Нам, черным ведьмам, когда что-то нужно, мы очень даже терпеливые.

– Господин мэр, – все так же томно и с придыханием произнесла я, – надеюсь, вы понимаете, что ремонт моей двери теперь на совести мэрии. И свободны, не мешайте молодой здоровой ведьме поднимать численность собственно черных ведьм. Мы с господином белым магом как-нибудь без свидетелей обойдемся, и свечу держать нам не надо – я все-таки не девочка, да и у господина мага, я уверена, уже имеется внушительный опыт в интимных делах.

Морда смотрел на меня так, что в какой-то момент в душе едва совесть не проснулась. Но я же черная ведьма, совести у меня отродясь не было.

– Доброй ночи, – очень вежливо сказала я, демонстративно обнимая белого мага.

Мэр не пошевелился.

– Дохрай.

Когда я вводила белого в подвал, в лавке рычал мой дух-хранитель и пытался что-то сказать мэр, но... Но кого вообще волнует, чего там желал поведать нам новый градоправитель. Меня не волновало вовсе. Белого мага, который под видом придерживания облапал все, что только можно было, и вовсе ничего, кроме молоденькой ведьмы, в данный момент не интересовало.

И зря.

Потому что едва мы спустились в подвал, мужик осознал, что это явно не спальня, и выдохнул:

– Где это мы?

Щелкнув пальцами и запирая дверь в погреб, устало приказала:

– Белый источник ищи, рожа охамевшая.

Потрясенный мэтр Октарион в изумлении уставился на меня, после глянул на запертую дверь, нервно сглотнул. Если он и правда такой спец, каким себя показал, обнаружив, что я ощущаю колебания белого источника, значит, знает – сила черной ведьмы в непосредственной близости от источника удесятеряется, и в данный момент мне совершенно ничего не стоит его убить. Да-да, а вы думаете, почему во всех сказках про черных ведьм деткам строго-настрого запрещено входить в ведьминский домик. Магам, к слову, можно, но только в домик, а белый так неосмотрительно сунулся за мной в погреб...

– Время пошло, – коварно протянула я, глядя на мага.

– Слушай, девочка... – физиономию белого знатно перекосило.

– Я могу начать с выпивания твоей силы, – промурлыкала черная ведьма, чувствуя, что зря притопала сюда босиком, так и простыть недолго.

– Я дурак, да, признаю. – Белый тихо выругался. – Источник используешь, чтобы привязать духа?

– Не твое дело. – Мы, черные, вообще не любим делиться своими планами на будущее.

– Ну ты даешь! – Белый судорожно вздохнул. – Духа зови.

Я закрыла глаза и прошептала: «Гардэм».

Истончающийся призрачный кот явился незамедлительно. Мэтр Октарион еще раз посмотрел на меня, вздохнул и пошел работать. Причем почти все сам сделал – и круг начертил, и звезду вывел, и даже сцентрировал плазму. После уже была моя работа, но выгонять мага я не стала. При нем резанула вену, делясь жизненной силой с духом, при нем привязала Гардэма к белому источнику.

Потом, пошатываясь и не сговариваясь, мы с белым пошли к выходу. Перед дверью на миг остановились – там, в лавке, судя по звукам, шел бой.

– Надо же как господин мэр за ваше достоинство переживает, – задумчиво сказала я.

– Да? Мне кажется, его тревоги связаны исключительно с вашей честью, – хмыкнул маг. И неожиданно представился: – Арвейн.

– Аэтелль, – представилась в ответ, – но для вас исключительно...

– ... госпожа ведьма.

– Именно так.

Маг оказался догадливым, что было приятно.

– Ты не женат? – даже не знаю, почему и спросила-то, отодвигая засов вручную.

Арвейн не мешал, видимо знал, что выход только ведьма открыть может.

– Нет, – он рассмеялся, – мне раньше такие, как ты не встречались, а типичные черные ведьмы не в моем вкусе.

А я, значит, не типичная черная?!

– Огребешь! – предупредила вполне серьезно.

– Извини-извини, не хотел обидеть.

Смешной он.

Мы вышли из погреба, вошли в лавку, застучали эпический слом моей торговой стойки. И главное, даже претензии предъявить некому – стойку ломал Дохрай, и ломал он ее мордой, в смысле мэром. После такого хранителя даже расхотелось ругать за разгром.

– Кстати, а приворотные вы, госпожа ведьма, как я понимаю, не варите? – прошептал остановившийся за моей спиной маг.

– Бесят, – объяснила я.

– А-а, – протянул Арвейн.

– К чему был вопрос? – указывая Дохраю на выход, поинтересовалась у мага.

– Я же вижу, что нейтрализую, и пока среди всех зелий, что подливались господину мэру, не обнаружил ни одного приворотного.

Коварно ухмыльнувшись, тихо попросила:

– Ему не говорите.

– Боюсь, я обязан предоставить отчет о проделанной работе.

– Это будет ударом для мужского самолюбия, – констатировала не без удовольствия.

На этом Арвейн галантно раскланялся и покинул мой дом вслед за стражниками и господином мэром, которых вынес Дохрай. И едва за ними криво закрылась дверь, как из погреба показался здоровенный белый кот с ярко-синими глазами.

– Здравствуй, Гардэм, – тихо сказала я.

Дух кивнул, подплыл ко мне и уткнулся лбом в мой живот. Жалко его. Он с Мاديной с самого начала был. Сердце сжалось.

Остаток ночи прошел спокойно.

* * *

Утром я не бегала, меня ждали совсем иные дела. Поднявшись, съела пару ложек запаренной каши, достала вишневую настойку и прямо с утра опрокинула мензурку. На душе было горько даже несмотря на то, что Гардэма я спасла. Одевшись, спустилась вниз.

Дух-хранитель Мадина ждал меня там. И едва я появилась, шагнул, стремительно уменьшаясь, прыгнул и остался на моей черной мантии крохотным белым ландышем. Забавная бутоньерка для черной ведьмы. Дохрая видно не было, но учитывая, что покосившаяся дверь толком не закрывалась, сегодня он будет на страже весь день, обыкновенно его открывающаяся дверь пробуждает.

Молча вышла из лавки в суетливое утро и, ни на кого не глядя, даже на приветствия не отвечая, направилась к цветочному рынку. Люди расступались передо мной, несколько удивленные торжественным одеянием: на мне была черная мантия с символом смерти – тускло сияющим черепом, шляпа, самая большая из имеющихся, туфли с узким длинным загибающимся носком, и образ дополняло мое белое, почти ненакрашенное лицо. Ведьминский наряд для погребения – такое тут видели впервые. Впервые надела его и я. Даже бирки посрезала утром.

На цветочном рынке выбрала шесть белых лилий. Торговка Улла вопросов не задавала,

просто открыла для меня склад, пустила внутрь и цену не назвала – сунула ей шесть серебряных, дико переплатив за цветы, но никаких сожалений по этому поводу не было.

Когда выходила, увидела Люсинду, та выбрала шесть белых роз.

К домику Мадины мы шли молча через весь город. Молча, неспешно, с горечью в сердцах. И странное дело – с рынка мы вышли одни, а когда почти дошли до окраины города, слышали голоса позади, обернулись – горожане, человек восемьсот, в черном траурном, с белыми цветами в руках, стараясь не шуметь, шли за нами.

– Удивительно, – хмыкнула Люсинда, – впервые вижу, чтобы население городка шло выразить почтение ведьме.

– Может, не знают, что мы к Мадине идем? – предположила я.

– Знают. – Люсинда грустно улыбнулась. – Им белый маг про смерть ведьмы обмолвился, с утра весь рынок гудел, причем в изложении народа это была неправильная, безвременная, дикая и мучительная смерть.

Прижав цветы к груди, тихо спросила:

– А ты не почувствовала?

– Нет, Телль. – Ведьма вдохнула аромат роз, которые, и я точно это знаю, ненавидела. Даже хуже – розы ее всегда бесили. – Что-то плохо мне в последнее время, слабость какая-то... С магом этим и то справиться не сумела. Вблизи источника и не сумела – отбил, силен гад.

Силен-то силен, белый показал себя нехилым специалистом, но чтобы ведьма да вблизи источника магу уступила?!

Мне хотелось расспросить об этом, но не положено, и мы в молчании завершили траурное шествие. Еще издали дом Мадины сообщал о том, что ведьмы больше нет в живых. Мы, ведьмы, к месту жительства сильно привязаны, и дом привязывается к нам, а потому, стоит ведьме погибнуть безвременно, так же безвременно гибнет и ее жилище. Вот и сейчас среди светлых деревянных домиков лесорубов чернотой и разрушением выделялся еще неделю назад яркий, крепкий дом Мадины. Она любила цветы. Белые. И перед ее домиком был садик с цветами, где постоянно цвели ландыши, гордо сверкали капельками росы розы, одуряли ароматом лилии... А сейчас было черно и пусто. И черный дом, покосившийся, с распахнутыми дверями и окнами, разрушался на глазах...

Люсинда подошла к дому первая. Медленно опустилась на колено, медленно положила розы на гниющие, осыпающиеся трухой ступени. Ее губы беззвучно проговорили слова прощания. Их было немного, черные ведьмы не дружат между собой.

Затем подошла моя очередь. Я приблизилась к дому, опустилась на одно колено, положила цветы и поняла страшное – нарушая к Тьме весь регламент, по моим щекам текли слезы. Да, черные ведьмы не дружат, да у нас не принято даже ходить друг к другу в гости, но Мадина с самого первого дня стала мне гораздо большим, чем просто коллегой. Она нередко заглядывала ко мне, особенно поначалу, я без опасений входила к ней в дом, и Гардэм, обращаясь черным котом с зелеными глазами, прыгал ко мне на руки, чтобы ему за ушком почесали. И Мадина была единственной из знакомых мне ведьм, кто не чурался громкого веселого смеха, мог танцевать с метлой по всему дому просто так, от хорошего настроения, и был способен на добрые поступки и эмоции.

– Мне будет не хватать тебя, Мадина, – прошептала едва слышно. – И я позабочусь о Гардэме и посажу белые ландыши в память о тебе.

Достав платок, торопливо вытерла слезы. У нас плакать не принято, совсем не принято,

я знала, что Люсинда осудит.

И вот когда платок совала в карман, увидела клочок белой бумаги. Оборванный. И хоть не принято касаться имущества погибшей ведьмы, позволяя ему обернуться тленом, но повинаясь интуитивному порыву, взяла, развернула и... похолодела.

На бумажке было написано: «Скоро буду. Мадина».

– Телль, оставь, – прошипела подошедшая Люсинда.

Полагалось оставить. Запрещалось касаться чего-либо... Но я встала и, сжимая записку, решительно вошла в разрушающийся дом.

У каждой ведьмы свои правила – в мой дом можно было войти смело, Дохрай пропускал, а вот решившемуся что-либо украсть или же причинить мне вред я бы не позавидовала. Гардэм у Мадины был совершенно иным – не впускал никого в отсутствие хозяйки, оттого, уходя куда-то ненадолго, ведьма вывешивала на дверь записку. И если записка была, значит, ведьма планировала вернуться в течение получаса, не больше. И это не поездка в город – рынок меньше часа не занимает, значит, Мадина куда-то поблизости отправилась.

Дом откровенно устрашал своей чернотой и творящимся на моих глазах разрушением. Рушилось все: срывались с окон гардины, истлевая в момент падения, гнили цветы, тлен как пожар пожирал дерево. Но стол в лавке у Мадины был каменный, и на нем стоял поднос с гниющими уже булочками. И чайничек заварной, накрытый гниющим полотенцем... Мадина вкусно готовила. Не раз и даже не два раза бывало, что напечет булочек и едет ко мне, погоняя извозчика, чтобы привезти еще теплыми.

– Аэтелль! – Люсинда не оставила меня одну, вошла следом. – Аэтелль, нельзя входить.

Ничего не говоря, я схватила ведьму за руку и потащила к разрушающейся лестнице. Люсинда выругалась, наложила на ступени стабилизирующее заклятие и, проклиная все на свете, позволила увлечь себя вверх. На втором этаже, по щиколотку проваливаясь в гниющий пол, я подтащила ведьму к шкафу Мадины. Это у меня бардак и все в сундуке перемешано, а Мадина хозяйственная очень была, у нее каждое платье соответственно регламенту висело на подписанной вешалочке. И распахнув дверцы гниющего шкафа, которые тут же трухой осыпались, я с ужасом смотрела на единственные пустые плечики, над которыми все еще была видна надпись «повседневное платье».

– Телль, – Люсинда взяла за руку, – Телль, это неуважение к Мадине, идем.

Мотнув головой, срывающимся от бешенства голосом проговорила:

– Она не вступала в бой. И не рискнула жизнью, совершая какой-нибудь из запрещенных ритуалов, Люсинда! Она напекла булочек, заварила себе чай и побежала кому-то отнести несколько еще горячими, чтобы вернувшись попить чаю!

– Телль, понимаю, ты расстроена, но...

– Из платьев нет только одного повседневного! – Я указала на шкаф, который начал разрушаться. – Смотри сама! Ее убили, Люсинда, убил кто-то, кому она понесла булочки!

Но ведьма, ухватив меня посильнее за руку, повела к лестнице. Вовремя – едва мы начали спускаться по удерживаемым заклинанием ступенькам, как пол второго этажа рухнул и начала осыпаться крыша.

Мы покинули дом ведьмы, оказавшись на поляне, усыпанной белыми цветами. Жители города, видимо следуя нашему примеру, подходили к домику, шептали несколько слов и оставляли цветы. Это было так трогательно... мы не ожидали. Мимо лавки мертвой черной ведьмы редко кто пройдет, не плюнув, а тут...

Мы с Люсиндой постояли еще некоторое время, в молчании созерцая разрушение домика Мадины... Не прошло и часа, как он рухнул. Остались лишь ступени, на которых было заклинание Люсинды, да почему-то сопротивлялся тлену внушительный котел для колдовства, совсем как мой. Когда дом осыпался черной трухой, я отвернулась, пытаюсь скрыть слезы.

И напрасно я так сделала – позади, шагах в десяти, стояли белый маг и морда. У Арвейна в руках было два белых цветка. Он улыбнулся мне, и через мгновение в моей ладони оказался совершенно черный платок. Прошептала «Спасибо», торопливо вытерла слезы и с невозмутимым лицом повернулась к месту, где еще недавно стоял домик гостеприимной черной ведьмы...

Потом Люсинда подозвала извозчика, мы сели в двуколку и уехали, а народ начал потихоньку расходиться.

У моей лавки ведьма остановила извозчика и решительно вошла ко мне первая, демонстрируя доверие, которого раньше между нами не было. Я на миг остановилась, заметив, что мне не просто починили дверь – ее заменили другой, более новой и крепкой. Войдя, обнаружила на столике связку ключей, видимо от нового замка.

– Гардэм у тебя! – удивленно воскликнула Люсинда.

– Ночью пришел, – пояснила я.

– Белый!

– Ты же знаешь, у меня был второй источник от двоюродного деда, к нему и привязала. Чай?

– Настойка есть?

* * *

К вечеру две черные ведьмы напились в хлам. Ничего удивительного, ведь еды у меня толком и не было, не до нее как-то оказалось в последнее время. Я напилась первая и, стащив мантию, пошла красить свежеставленную дверь в черный цвет. Получалось плохо, потому что рука постоянно соскальзывала вместе с кисточкой, и в результате у меня оказалась покрашена и дверь, и стекло... Оригинально вышло.

– Телль, ты вывеску заляпала, ик, – сообщила Люсинда.

Она к малярным работам приобщаться не пожелала, но, вытащив на порог кресло-качалку и прихватив бутылку с черничной настойкой, продолжала пить, командуя фронтом работ.

Но вывеску я никак не могла заляпать. Вывеска же выше...

Присмотрелась. Сфокусировав зрение, которое отказывалось читать прыгающие буквы, прочла «Продается».

Ах ты ж гад!

Нет, в другое время отнесла бы вывеску сама и к мэрии тоже бы сама прибила, но после всех возлияний с прямохождением имелись непреодолимые трудности...

– Таксарн элдарриэ агартайн! – скомандовала я, направив палец на вывеску.

Вывеска встряхнулась, оторвалась от фасада, прыгнула на четыре тоненькие черные ножки и бодро заковыляла через всю площадь к мэрии. Раздались крики, преимущественно мужские, и выстрелы. Снова выстрелы... еще выстрелы...

Поскуливая, вернулась простреленная в нескольких местах вывеска, как побитый пес забила мне под ноги, дрожа и продолжая скулить.

– Не поняла... – пробормотала в хлам пьяная ведьма.

– Гарнизон утром прибыл, – покачиваясь и размахивая бутылкой, пропела Люсинда.

Наклонившись, взяла поскуливающий предмет, продемонстрировала коллеге и пожаловалась:

– Они мне вывеску прострелили!

– Серьезно? – Люсинда пыталась сфокусировать взгляд на мне.

– Абсолютно! – Я была возмущена до глубины всей своей черноведьминской души.

– Надо воспитывать, – решила ведьма.

Я придерживалась того же мнения. Поправила косынку, нет, краска, конечно, черная и черные волосы не сильно бы испортила, но регламент проведения малярно-строительных работ предписывает быть в косынке, а не в шляпе, потом рубашку, пояс на брюках, заткнула за пояс кисточку... с нее, кажется, капало, но не суть. И, держа вывеску под мышкой, направилась на разборательства с теми, кто посмел неуважительно отнестись к черной магии.

Встречный народ несколько расплывался, но заклинание «Дакрахео» окрасило зеленоватым тех, кто вообще в вывеску стрелял. Группка солдат обнаружилась неподалеку стоящими и взирающими на злую пьяную ведьму – видимо, они тут охотиться на мою вывеску собрались. Пошатываясь, подошла к неучам и злобно спросила:

– Вы стреляли? – Вопрос риторический, заклинание четко на них указывало.

Да и вывеска, заскулив, торопливо закивала.

– Э-э-э, – протянули солдаты.

Пехотинцы, к слову. Форма песчаная походная, мундиры слегка потрепанные, оружие явно часто стреляющее, лица дебиловатые, что свидетельствует об участии в боевых действиях. Просто кто поумнее, те или в командовании, или в тылу, или как морда – в разведке, а эти типичное пушечное мясо.

– Ну?! – Я когда пьяная, я вообще грозная.

Солдаты переглянулись, тот, что постарше и, судя по физиономии, из боев вообще не вылезал, пробасил:

– А у нас техника отработанная – увидал нечисть, стреляй.

Треснула вывеской. Молча. Спокойно. Чисто для профилактики.

Солдат обалдел. Шишка на его лбу начала стремительно краснеть и надуваться.

– Нечисть, идиот, это живое существо. А вывеска – неодушевленный магический предмет! Осознай разницу!

А еще когда я пьяная, я вообще ни разу не вежливая.

Но и они не далекого ума оказались.

– Сдурела, девка?! – взревел шишастый, хватаясь за приклад.

Да, и никакого чувства самосохранения... Придется учить.

И тут позади меня раздалось очень робкое:

– Кхм, госпожа ведьма, так мало солдат пришло.

Мы оторопели. Я – от наглости заговорившей позади меня девицы, солдаты на меня вылупились по типу «Ведьма?!».

– И что, что их мало? – свирепея, спросила я.

Девушка Бронич, худенькая, невзрачная, тридцати лет отроду, окончательно робея,

приблизилась и жалобно заныла:

– Так не хватит солдат на всех-то, госпожа ведьма. У вас-то горе, мы все понимаем, хорошая она была ведьма, Мадина-то, да только вы с горя сейчас всех солдат переполовинете, а нам потом без женихов оставайся, да? А пожалейте вы их, госпожа ведьма, ну дурни неразумные.

У кого-то задергался глаз.

У меня.

– Или, стало быть, пусть вывеску вашу отремонтируют, – продолжила девица Бронич.

Я посмотрела на вывеску, вывеска сделала морду кирпичом – типа «этим не дамся», солдаты в свою очередь изобразили мины «да ни за что на свете». Минус на минус...

– Аэт кам датарр! – и щелчок пальцами, заставивший вспыхнуть зеленым огоньком солдат.

И тут кто-то заиграл что-то веселое на скрипке. Мелодия была такая легкая, игривая, и как-то само собой вышло:

– Пибоди пабоди гранс!

И солдаты, пританцовывая под мелодию, взяли у меня сопротивляющуюся вывеску и с танцами и плясками потащили прибывать ее на мэрское здание. У меня же взяла и выпала из-за пояса кисточка. И пока я ее поднимала, чуть не свалилась – нет, ну тут мало что меня шатает, еще и земля тоже шатается. Выпрямилась, посмотрела на солдат, которые уже к вывескоприбывательным работам приступили, посмотрела на кисточку... вспомнила, что у меня еще ведро черной краски осталось, и...

– Эт ирмаин! – скомандовала кисточке и ведру.

А что, сколько можно, все я да я, надоело уже.

И, собственно, после этого настоящая дико злобная и мстительная ведьма отправилась спать. Когда забралась на порог, обнаружила, что Люсинда давно посапывает в кресле-качалке, и приказала Гардэму, он на пороге сидел, затащить ведьму с креслом в лавку. Скромненький белый котик мгновенно увеличился, встал на задние лапы, подхватил кресло, внес. Я кое-как следом зашла, поползла до душа, даже, кажется, помылась, а не тока сидя под струями воды раздеться умудрилась, потом было ползковое движение до постели, потом... тьма.

* * *

– Госпожа ведьма, я понимаю, что у вас траур, но это не повод весь город раскрашивать в черное! – прошипел кто-то совсем рядом.

И судя по всему, шипело это там уже давно...

– Госпожа ведьма!

Ой, моя голова...

– Аэтелль!

Глаза открылись мгновенно. Злые такие глаза. Повернув голову на источник звука, узрела морду. Он сидел на стуле рядом с моей кроватью и делал то, что явно очень хорошо умел – предавался бессильной ярости.

– Вон отсюда, – хриплым голосом приказала я.

После чего закрыла глаза и погрузилась с сон.

Но заснуть мне не дали, произнеся перед экзекуцией:

– Как пожелаете, госпожа Герминштейн.

И на меня обрушился ливень! Из ледяной воды! На меня! На постель! Ведро воды не меньше!

Подскочив с диким воплем, я уставилась на охамевшую морду, который деловито опустил ведро, в котором, видимо, и принес воду. Мэр глянул на обалдевшую меня в мокрой насквозь ночной рубашке, быстренько отвернулся, затем произнес:

– Я вас внизу подожду, госпожа ведьма.

Ты... ты... ты!

Вскочив, стянула с себя мокрую ночную рубашку, схватила халат, надела и, завязывая пояс, босиком слетела по ступеням вниз. На площади, что примечательно, оказалось очень светло, огней много, людей...

– На вашем месте, госпожа ведьма, я бы оделся поприличнее, – мрачно произнес господин мэр, стоя у двери.

– Дохрай! – Дух явился незамедлительно. – Этого, – я указала на мэра, – больше не впускать!

Храп Люсинды был со мной полностью солидарен.

Градоначальник покивал, прошел к вешалке, снял мой ведьминский плащ, подойдя, подал мне. Яростно надела и вышла на порог, а там...

Во имя Тьмы...

– С другой стороны, таким этот город мне нравится больше, – заметила я, чувствуя, как босые ступни подмерзают на холодном пороге.

А чего – город был выкрашен в черный цвет, от чего освещенные окна напоминали звезды на ночном небосводе: готичненько, мрачненько, но очень даже глазу приятно.

Глухо выругавшись, мэр прошипел:

– Госпожа ведьма, мэтр Октарион снял первую часть вашего заклятья, но ему совершенно неизвестна вторая. Объясните, почему эта компания, возглавляемая моей вывеской, до сих пор красит город?!

Компания, возглавляемая вывеской? Заклинание? А какое это было заклинание? Похмельная голова отозвалась безбрежной пустотой...

– Ну?! – потребовал ответа господин мэр. – Вашу мать, ведьма, трезвейте и вспоминайте уже!

Вот после такого ни одна уважающая себя ведьма отвечать не станет. Гордо вскинув подбородок, я вошла в лавку, храня не менее гордое молчание. Ошалевшая морда сунулся было за мной и наварлся на Дохрая.

А я ушла к себе наверх, чтобы рвануть к сундуку, достать гримуар и начать судорожно искать заклинание, противодействующее малярным работам!

И не нашла!

Я произнесла с десятков, сидя на балконе, но каждый раз заклинание разбивалось, едва долетев до активной группы солдат, которым моя вывеска все таскала и таскала откуда-то черную краску. И казалось бы, вот что вывеска делает рядом с солдатами, когда ей полагалось висеть на мэрии, но все стало ясно, едва я к мэрии присмотрелась – они покрасили все, кроме белых мест, которые и составляли надпись «Продается». То есть мест все же состоялась.

– Танрам экваэр даван! – зачитала я очередное заклинание.

Оно зеленоватой дымкой полетело к малярам-красильщикам... окутало их... рассыпалось.

– Я это пробовал, – раздался внезапно голос белого мага. – Книгу дайте.

Повернув голову, увидела белого, вольготно сидящего на перилах моего балкона.

– Левитация? – просто уточнила, протягивая гремуар.

– Да, – ответил Арвейн, осторожно беря книгу.

Осторожно – это он правильно, неосторожным черномагический фолиант может и палец откусить, до локтя примерно. Что меня поразило – на правильном разделе открыл, посуровев, вчитался, подсветив себе синим огоньком, после авторитетно сообщил:

– Нет, я все использовал, тут в другом затык – они танцуют, видишь? Ты спяну на другом заклинании все замкнула.

Нахмурившись, попыталась припомнить.

– Самое дурацкое заклинание из всех? – спросил маг.

И я не задумываясь, ответила:

– Пибоди пабоди гранс!

Арвейн чуть не свалился от удивления, потом повернулся к малярствующим и провозгласил:

– Пибоди пабоди энгранс!

И маляры остановились. Вывеска и вовсе к нам повернулась и призрачным кулаком погрозила. А солдаты, ошалевшие от усталости, повалились наземь, прям кто где стоял. Черная краска разлилась по площади...

Внизу, под моим балконом обнаружился господин мэр...

– Пожалуй, я пойду спать, – решила черная ведьма, поднимаясь и забирая у белого мага свой гримуар.

– Мм-м, приглашение? – поинтересовался Арвейн.

– Жить надоело? – очень мило улыбаясь, спросила я.

– Ладно, подожду, – сверкнул улыбкой маг.

Неопределенно поведя плечом, я ушла в спальню и нырнула в кровать... Зря! Кровать вся была мокрая!

Послав мэру в спальню ливень ведер на пять, перестелила собственную постель, высушив матрас, и только после этого провалилась в сон.

* * *

Люсинда ушла под утро, прихватив еще бутылку настойки и опустошив тем самым почти все мои запасы. Не страшно, я вообще пить не люблю. Потом ко мне притопал Гардэм – вполне осязаемый, что в общем-то, учитывая привязку к белому источнику, совсем неудивительно. Кот устроился под бочком, и спать сразу стало приятнее и теплее.

На рассвете захотелось встать, но я подавила желание усилием воли – не желаю сталкиваться с мэром после того купания, которое вчера ожидало его в его спальне. А после мне стало обидно. Нет, правда, почему из-за кого-то я должна лишать себя удовольствия?! Мы, черные ведьмы, вообще очень трепетно относимся к своим удовольствиям!

Поднявшись, ушла в лабораторию. Некоторое время стояла в растерянности, почесывая макушку, а после... Мэр ведь привык передвигаться на лошади, так?!

Коварная улыбка расплылась на моем лице.

Жаль, вариться зелье будет долго, но мне ведь есть чем заняться, не так ли?!

Напевая что-то очень веселое, я поставила котелок на спиртовку, накидала ингредиентов и отправилась готовить завтрак на двоих – да-да, Гардэма теперь придется тоже кормить. Голубоглазый кот, подтверждая данное утверждение, мурча заявился на кухню.

– Все-таки ты до неприличия белый, – заметила я, ставя ему на пол тарелку с жареными яйцами и беконом.

Хранитель не спорил, приступив к завтраку.

Я тоже села к столу, налив себе чаю. И вот стоило глянуть на заварник, как вспомнила о Мадине... Жаль, духи говорить толком не способны, мне бы очень хотелось узнать, к кому с горячими булочками отправилась ведьма. Но потом, когда медленно попивала чай, мне вспомнился рожа... в смысле белый маг. Особенно его замечания по поводу черных ведьм и вчерашний поступок с книгой – он ведь, получается, имеет подобную, иначе откуда ему знать все наши узкоспециализированные заклинания...

Желание увидеть мага стало непреодолимым.

Торопливо дозавтракав, я надела повседневное ведьминское платье, накрасилась, зачернила и уложила волосы, кольца понатыгивала, серьги, блокнот захватила для записей и отправилась пытаться мага.

Собственно, где его искать, я понятия не имела, но это не имело совершенно никакого значения – к моим услугам были все сплетницы Бриджуотера. И едва я вышла из лавки, вдохнула полной грудью утренний воздух, в котором витал аромат краски, тут же свернула к лавке булочника, дабы перекинуться парой слов с его словоохотливой супругой.

Через несколько минут у меня имелись подтвержденные утренними покупательницами сведения о том, что мага поселили в втором и собственно жилом этаже мэрии, дабы он мог своевременно нейтрализовывать действия приворотных зелий, упорно подливаемых мэру. Принципиально не благодаря за информацию, все-таки репутация, я с самым суровым выражением лица отправилась в мэрию.

О том, что приближается черная ведьма, стражники узнали заранее. Уж не ведаю как, но сплетни в нашем городке всегда распространялись с невероятной быстротой, наверное, это какое-то особое, не подвластное нам, ведьмам, бытовое колдовство. Не знаю, но не успела я и фонтан миновать, как стражники спешно ушли на пересменку и, уже из-за угла выглядывая, не вмешивались в момент моего вторжения в административное здание. К слову, некоторые клерки на рабочих местах уже присутствовали, но стоило мне войти, как все двери тут же наглухо закрылись, а на последней – дрожащей высунувшейся из щели рукой кто-то прикрепил записку: «Уважаемая госпожа ведьма, лестница, ведущая на второй этаж, расположена за следующей дверью».

Не солгали – открыв следующую дверь, я увидела ведущие вверх ступеньки.

Весело поднявшись на второй этаж, остановилась в некоторой растерянности. Дело в том, что я только сейчас поняла, что, собственно, не выяснила, в какой именно комнате поселили мага. То есть по центру, в конце коридора, располагалась двустворчатая дверь, ведущая в комнаты мэра. Ничего особенного – гостиная, спальня, ванная, кабинет, гардеробная, все стандартно. И собственно комнаты мэра меня не интересовали вовсе, но вот вопрос – в какой близости к нему поселили мага?! И если в непосредственной, тогда возникает второй вопрос – справа или слева? Просто по коридору и справа, и слева двери располагались, так вот... А чего я страдаю, проверю на практике. И я потопала до самых

мэрских покоев, чтобы свернув направо – ну, я так полагаю, белым магам полагается сидеть справа, открыла дверь.

И узрела мэра!

Тот был мокр, гол и всего в одном полотенце на бедрах. Причем последнее оказалось явно не банным и даже до колен ноги не прикрывало. Кстати, ноги были на уровне, в смысле породистые такие, мускулистые. Но все это не имело значения. Меня вовсе не анатомия господина мэра интересовала, и потому я задала прямой вопрос:

– А что вы тут делаете?!

Вопрос, кстати, вполне невинный, и я не понимаю, с чего господин мэр вдруг побагровел и взревел:

– Вы!!!

Станный он какой-то и нервный.

– Это и так ясно, что я, – нахмурившись, ответила. – Так, ладно, вы не только голый, вы еще и неадекватный, и потому я задам другой вопрос: где маг?

И тут у кого-то глаз задергался. Зрелище было крайне приятное, и все бы ничего, но, помимо нервного тика, господин мэр начал еще и кулаки сжимать, а вот это уже смотрелось как-то пугающе.

– Ладно-ладно, сама найду, не гордая, – решила черная ведьма и захлопнула двери.

После чего, после секундных размышлений, крутанулась и воззрилась на дверь напротив.

Собственно, открыв ее, я и узрела белого мага.

Арвейн лежал в постели, закинув руки за голову, отчего были видны все мускулы на обнаженной груди, и старательно притворялся спящим. Очень старательно. Настолько старательно, что одно это уже выглядело подозрительным. Собственно, на фоне откровенного притворства гостеприимно отброшенный уголок одеяла и вторая подушка с алой розой поперек смотрелись уже чересчур.

– Я желтые розы люблю, – заявила, входя в комнату мага и прикрывая за собой дверь.

Роза мгновенно приобрела желтый цвет.

– Зеленую, – нет, я черная ведьма, но это ведь не значит, что не капризная.

Роза стала зеленой.

– Кстати, – я прошла и устроилась в кресле напротив кровати, закинув ноги на стоящий рядом столик, – вы не в курсе, с чего это мэр в комнате напротив обретается?

– Полагаю, в этом нет ничего удивительного, если учесть, что в его собственных апартаментах накануне случилась гроза ведер на пять воды, – все так же не открывая глаз и притворяясь спящим, ответил маг.

Оу, а я и забыла. Ну, мы ведьмы такие – отомстим и забудем, а потом снова отомстим и снова забудем...

– Мда, – проговорила, испытывая некоторое смущение.

Арвейн приоткрыл один глаз и поинтересовался:

– Почему платье не по регламенту? Нет, вы мне нравитесь и в повседневном, но хотелось бы повторно увидеть то, регламентированное для охоты на белых магов.

– Мм-м... – даже и не знаю, что сказать на это.

Хотя вопрос появился:

– А у белых магов тоже соблазнительный наряд имеется?

Ну просто лично я вообще о белых мало что знаю.

Открыв и второй глаз, маг хмыкнул и протянул:

– Имеется.

После чего откинул одеяло с себя, а затем и вовсе встал.

Это хорошо, что на мне был полагающийся по регламенту слой белил, потому что румянец черной ведьме не приличествует вовсе, а у меня щеки запылали. Ибо в отличие от мэра на маге не было даже полотенца!

– Да уж, – после некоторого замешательства все же проговорила я, – вынуждена признать, что костюм у белых магов гораздо...

– Эффектнее? – предположил Арвейн, поигрывая мускулами.

– Экономичнее, – подобрала я правильное определение. Затем пояснила магу: – Знаете, сколько стоит регламентированный для охоты на белых магов наряд черной ведьмы?

– Сколько? – спросил он, не испытывая ни малейшего смущения по поводу отсутствия на себе одежды.

– Дороже бронированной мантии, которая используется при вызове демона, – честно ответила я.

Усмехнувшись, Арвейн произнес:

– С одной стороны, чувствую себя униженным и оскорбленным, с другой – румянец, пробивающийся из-под слоя вашей пудры, говорит о том, что вы как минимум впечатлены, Телль.

И в этот момент распахнулась дверь.

Причем я точно помню, что ее закрыла, причем плотно. Но она все равно распахнулась и с громким «бабах» ударилась об стену, после чего раздался рев морды:

– Мэтр Октарион!

Арвейн посмотрел на скривившуюся от вопля меня, после на господина мэра и спросил:

– А что вы тут делаете?!

В следующее мгновение я с искренним изумлением слышала несколько ругательных фраз, которые поспешила тут же вписать в свой блокнот – такие перлы нужно коллекционировать! И пока увлеченно записывала, морда уже совсем не поэтично пообещал магу оторвать его... тут я снова взялась записывать... и запихнуть ему... это тоже пошло под запись. Когда же я закончила записывать, Арвейн уже торопливо завязывал пояс спешно надетого халата, видимо, оценив поэтичность угрозы. Я же торопливо перечитала записи, обнаружила пробел и очень, между прочим, вежливо попросила:

– Господин мэр, вы не могли бы повторить вторую тираду, я не все успела записать...

Разъяренная морда выхватил у меня блокнот, вырвал листок со свежесделанной записью, сунул в свой карман и швырнул блокнот мне на колени.

– Это значит «нет»? – уточнила на всякий случай.

– Госпожа ведьма, – мэр вдруг нагнулся и, схватившись за кресло, крутанул его, разворачивая к себе, после чего, упираясь руками в подлокотники и нависнув надо мной, прошипел, – позвольте теперь я спрошу: что вы тут делаете?

Вжавшись в спинку кресла, нет, я не боялась, просто кто-то выглядел очень грозно, пробормотала бессвязный бред на тему:

– Мэрия всегда открыта для граждан Бриджуотера...

– Да, госпожа ведьма, – у градоначальника все-таки явственно дергалось веко на правом глазу, – но это касается первого административного этажа. Вы же имели наглость заявиться в

жилые помещения!

– Да бросьте! – вполне обоснованно возмутилась я. – Вы вообще с первого дня появления обосновались в моей спальне, я же вас в наглости не обвиняла!

Теперь у мэра дернулось и левое веко. Смотрелось оригинально, потому что глаза дергались не в такт.

– Слушай, ведьма, – прорычали мне почти в лицо, надвигаясь еще ближе, – если уж решила мне мстить, то будь добра посягать на мою спальню!

– Мм-м... – с сомнением посмотрела на мэра. – А где вы вообще видели добрых черных ведьм, господин мэр?!

Вместо ответа морда как заорет:

– Вон отсюда!!!

И тут осторожненько вмешался Арвейн, напомнив:

– Господин мэр, собственно, госпожа ведьма пришла ко мне.

И как-то сразу стало неуютненько в этом кресле под сумрачным взглядом этого, с которым мы за город воевать начали...

– Колдану, – предупредила на всякий случай.

– Снимать не буду, – вставил свое слово Арвейн.

И глаза у морды дергаться перестали. Смотрелось ну очень-преочень жутко...

– И должен сказать, господин мэр, что в данный момент вы смущаете мою гостью, и...

Левая рука мэра метнулась к поясу... молниеносный бросок, который вообще для меня выглядел смазанной тенью, сверкнувшее в воздухе лезвие и вопль белого мага. Вопль! Мага!

– Заговоренная сталь, – возвращая ладонь на подлокотник кресла и сжимая его так, что несчастный закрипел, прошипел зверская морда, – великолепно действует против магов. А теперь вон отсюда, развратница конопатая!

Что?!

И осознав, что мысли тут читать никто не умеет, озвучила потрясенное:

– Что?

Прорывав что-то достойное записи в моем блокноте, мэр хватанул меня за запястье, вытащил из кресла, после выволок из комнаты пригвожденного к стене и пытающего высвободиться мага и хамейшим образом закрыл дверь перед моим носом.

Обалдевшая черная ведьма не удержалась от устройства маленькой грозы и в новом месте обитания морды, после чего громко крикнула:

– Господин белый маг, я вас в чайной у фонтана подожду.

– Хорошо, госпожа ведьма, прибуду сию же минуту, – почему-то прохрипел Арвейн.

* * *

Когда выходила через первый этаж, слышала обрывки фраз: «Вот как господин мэр о белом маге заботится...», «Еще бы, лечение господина белого мага за счет мэрии идет, вы контракт читали?»....

Морда охамел! Нет, правда, причем окончательно. И я все понимаю – город у него теперь слегка темненький, солдаты краску отшкрябывают и сурово на меня поглядывают, местные жители к новым оттенкам домов привыкают, краску опять же, похоже, с мэрского склада вывеска уволокла, но все же!

В чайной госпожи Заварс мне сварили кофе, подали к нему несколько хрустящих печений и вежливо попросили больше не пить. Присмотревшись к чайной, ранее сверкающей золотым тиснением на вывеске, а ныне пугающей беспросветной черной матовостью, решила, что да, больше не стоит.

Спустя четверть часа появился сияющий двумя внушительными фингалами господин белый маг. Еще у мага не было зуба... Но в общем и целом выглядел Арвейн восхитительно.

– Магическая сталь, – присаживаясь, пояснил он, – магия восстановится минут через двадцать.

– Охамел морда, – вздохнула я.

– Да, характер непростой, – миролюбиво согласился господин маг и крикнул: – Уважаемая, мне зеленый чай и полный завтрак.

Все было подано на белом подносе, который сильно контрастировал с моим черным, но пиетет и все такое – уважаю. Госпожа Заварс, подав, наклонилась ко мне и шепотом спросила:

– А за что вы его так, госпожа ведьма?

– Это не она, это мэр, – пояснил за меня Арвейн.

Госпожа Заварс ойкнула и умчалась к другим посетителям, делиться новостями.

Мы же с магом мирно позавтракали, я так вообще второй раз и потому с ленцой, а белый с явным аппетитом наворачивал и яичницу из шести яиц, и бекон, и колбаски, и помидорки, и подкопченную рыбу, и все пять булок, и масло, и пирог, поданный к чаю, и...

– Начинаю понимать, почему у вас столь экономичный регламентированный наряд для соблазнения ведьм, – протянула я.

– Мм-м? – Арвейн удивленно приподнял бровь, над которой зрела внушительная шишка.

– Так вы, видимо, все гонорары проедаете, – пояснила для непонятливых.

Маг рассмеялся, заказал себе еще пирога и, отставив поднос с горкой косточек, оставшихся после рыбы, пояснил:

– Я мужчина, мужчины едят много. А вы, как я понимаю, никогда не жили с мужчиной?

Вспомнила озверевшую когтисто-волосатую морду, который минут за пять сожрал балык, коего мне хватило бы на неделю как минимум, и загадочно ответила:

– Вы не правы.

Ну серьезно, мэр же у меня ел, значит, практически мы жили вместе... минут десять.

– Вот как? – в голубых глазах мага заплясали смешинки. – Ну что ж, мы еще вернемся к этому разговору, а сейчас позвольте узнать, Аэтелль, что же привело вас в мою комнату сегодня утром? Учитывая, что вы заявили в повседневном наряде, меня терзает любопытство.

Достав блокнот и перо, я перешла к серьезному:

– Откуда вы так много знаете про черных ведьм?

Арвейн прищурил заплывающие глаза и с отнюдь уже не впечатляющей отсутствием зуба улыбкой произнес:

– Я не хотел бы об этом говорить с вами, Телль.

Прищурившись, пристально посмотрела на мага. Так, а что я о нем знаю? Вспоминаем сияющие доспехи, наличие оруженосцев, чрезмерную осведомленность и слова Люсинды о том, что она не сумела с ним справиться даже вблизи своего источника...

– Орден? – Я сумела задать вопрос недрогнувшим голосом.

Хотя должна признать – вопрос страшный. Орден Света был создан более сорока лет

назад и стал причиной того, что многие ведьмы поспешили покинуть столицу и укрыться в глухих непролазных чащобах, лишь бы не встречаться с его адептами. И стало как-то неуютно под этим более чем серьезным взглядом мага...

– Телль, давайте не будем об этом. – Арвейн нервно улыбнулся. – Скажем так – я клянусь Светом никогда не причинять вам вред, и тему закрываем.

Неприятный холодок прошелся по спине, замерев где-то на уровне сердца. Жутко, если честно, вконец жутко. И тут я вспомнила об одном моменте:

– Но мэр вас уделал!

Хмыкнув, Арвейн пояснил:

– Господин мэр застал меня врасплох. И ко всему прочему у него имеются свои козыри в рукаве, которые любого мага низводят до уровня простого смертного. Он ловец.

Ловец?!

Час от часу не легче!

Теперь у меня задергалось веко... Основательно так. И сразу появилось желание переехать куда-нибудь в ту самую глушь непролазную, такую, чтобы никто и никогда...

– Телль, да вы побледнели, – попивая чай, заметил маг.

– Да, знаете ли, есть от чего, – ответила я, махом выпивая весь кофе.

Но после не удержалась от вопроса:

– И вы, маг, работаете на ловца?!

– Я работаю на королевство, – холодно произнес Арвейн. – Что-то еще?

Поежившись, перешла к более важному вопросу:

– Как вы думаете, от чего погибла Мадина?

Заметно расслабившись, маг, глядя мне в глаза, спокойно ответил:

– Ее выпили. Судя по землетрясению и кровавой луне, пили несколько дней, при последнем глотке ведьма попыталась сопротивляться, но силы были не равны. Насколько я понял из рассказов местных жителей, госпожа Мадина Моргенштейн увлекалась экспериментами. Видимо, не рассчитав силы, ведьма вызвала демона, объяснить столь дикую смерть чем-либо иным я не могу.

По правде говоря, я поначалу тоже думала о чем-то подобном, мы, черные ведьмы, любим риск и часто из-за него гибнем, но то, что я обнаружила в домике...

– Мадина никого не вызывала, – тихо сказала я, начиная черкать рваные линии в блокноте. – Она была в повседневном платье, испекла булочки и, оставив записку, что скоро вернется, умчалась кому-то их относить...

– Что?! – изумился Арвейн. – Вы уверены?

– Абсолютно. – Перо невольно вывело символ смерти.

Мы некоторое время сидели молча, но затем маг тихо произнес:

– В Бриджуотере нет иных членов ордена, ко всему прочему в случае кары смерть была бы иной, а вашу коллегу выпили. Кто-то в Бриджуотере.

Посмотрев на него, заметила, как начали разглаживаться ссадины и, собственно, спадать синяки. Подумала об услышанном, сделала предположение:

– Неинициированный белый маг?

Слышала, что они без обучения становятся ненормальными.

– Я бы ощутил белый источник, – серьезно заявил Арвейн.

Вот как, то есть не просто член ордена, а и вовсе ищущий. Тьма, а какой был приятный и спокойный городок.

– Что ж, – я достала несколько монет, положила на стол, – вы мне очень помогли, спасибо.

Поднялась.

– Телль, сядьте, – неожиданно попросил белый.

Естественно, осталась стоять – ведьма я или как.

– Телль, прошу вас.

Ну если так сильно просит – присела, с самым недовольным видом.

Улыбнувшись, Арвейн холодно произнес:

– Первое – не связывайтесь с мэром, не советую. Второе – у вас теперь есть белый хранитель, он не привязан к одному месту, как Дохрай, позвольте ему вас сопровождать. И третье – если вы правы и госпожу Моргенштейн вероломно убил тот, кого она знала, будьте осторожны, усильте охрану дома, не высывайтесь за пределы радиуса действия вашего источника. Поверьте, мне вовсе не хочется в одну далеко не радостную ночь по кровавой луне определить вашу смерть.

– Это еще почему? – поинтересовалась я.

Маг, уже полностью восстановивший собственное лицо, подался вперед, коснулся моей ладони и, глядя в глаза, ответил:

– Потому что мне очень хочется поддержать на руках нашу с тобой дочь, Аэтелль, и не одну.

От услышанного запылали уши. И взгляд как-то забежал, изучая степень покрашенности городка черной краской, и... И тут Арвейн взял и все испортил, поднеся мою ладонь к губам и принявшись ее поцеловывать!

– Нет, ну ни в какие ворота, – прошипела оскорбленная черная ведьма, подскакивая и отнимая конечность.

Улыбнувшись, маг вернулся к своему чаю. А едва я, гордо развернувшись, собралась уйти, бросил в спину:

– Госпожа Герминштейн, знаете, кто гораздо более настойчив, чем черные ведьмы?

Остановилась, с неудовольствием заметив, что к разговору прислушиваются все посетители чайной. Обернулась через плечо и поинтересовалась:

– Ну?

Подмигнув мне, нагло ответил:

– Белые маги.

Щелкнула пальцами. Не удержалась просто, поэтому взяла и щелкнула. Когда я уходила, за покинутым столиком сидел настоящий белый маг с козлиной головой, но при этом, тихо посмеиваясь, пил свой чай! И козья башка ему вовсе не мешала, рога, кстати, тоже.

* * *

День выдался долгий. Сначала я контролировала, как варится мое вообще не магическое зелье, потом приходил рыбак господин Орунс, просил мазь от подагры – сделала. Затем была госпожа Эвини, с проблемой личного характера – сделала зелье, попросила больше не гулять налево от мужа, тот, по крайней мере, не заразный. После приходили госпожа Ангей и госпожа Урансан с детьми – у обоих крапивница. Сделала мазь от природных ожогов, попросила вокруг их домов выкосить всю крапиву к чертовой матери, иначе вырву кишки

и...

– Наматаете на шею! – радостно закончили обе женщины.

Я что, настолько предсказуема?!

После обеда, нацепив шляпку с широкими полями, ибо солнце пекло нещадно, я захватила блокнот и вышла на площадь.

Остановилась, недоуменно разглядывая марширующих мимо мэрии солдат, а также группку белых магов, которые, почувствовав мое появление, развернулись и уставились на свой антипод. Странные такие.

Махнула рукой, призывая извозчика, подъехал господин Шангер, он обычно всегда по центру ездил, спросил «Куда изволите, госпожа ведьма?», получил в ответ:

– К вам, на конюшни.

Что порадовало, так это отсутствие лишних вопросов.

Меня молча провезли через весь город к окраине, где за городской стеной имелись пастбища и паслись лошади, подвезли к навесу, под которым собирались извозчики, и вот только после этого господин Шангер обернулся и спросил:

– А вам у наших чего узнать надо было?

– Куда в последние дни ездила Мадина, – честно ответила я.

Чуть призадумавшись, извозчик сказал:

– Сейчас сделаем.

Через час я узнала, что за последние две недели Мадина никуда толком и не ездила, кроме как четырнадцать дней назад на рынок. После ее видели одиннадцать дней назад, в лавке госпожи Эванс, а более нет. Мы, черные ведьмы, народ заметный, в смысле замечают нас везде, стало быть, дней десять Мадина действительно к услугам извозчиков не прибегала.

– А покупала она на рынке что? – спросила я у молодцеватого дядьки Брана, который ее туда и возил.

– Муку, масло, изюм, варенье клубничное, – начал перечислять он.

Все ясно – булочки затевала.

Я побарабанила ногтями по дверце двуколки, задумчиво глядя вдаль.

– А чего волнуетесь так? – господин Шангер нахмурился. – Неужто смерть не случайная была?

Надо же, как я паршиво умею скрывать свои мысли.

– Так может, мальчишек местных расспросить? – предложил дядька Бран. – Те завсегда в курсе, куда вы, ведьмы, шастаете.

– С чего это они в курсе? – удивилась я.

– Так матушки запрещают, а запретное всегда в десять раз разрешенного интереснее, – улыбнулся господин Шангер.

А это уже интересно.

– Где мне их найти? – поинтересовалась задумчиво.

– Мальчишек? – господин Шангер призадумался. – Нет, сейчас не найдете, вся ребятня в порту, на солдат и строящийся форт смотрят, а вот завтра с утра...

Искренне поблагодарив извозчиков, я приказала отвезти меня обратно к лавке.

К слову, уже вечерело, так что я доварила свое зелье для мести наглой мэрской морды, усилив его основательно, поужинала и после еще десятка клиентов, заглянувших в лавку, легла спать.

Увы, легла я, напрочь забыв о том, что желающих поужинать в моем доме теперь двое!

– Мяу, – раздалось среди ночи.

Повернувшись на другой бок, я попыталась заснуть.

– Ма-а-а-а-а-ау! – требовательно заорал кто-то.

– Дохрай, закрой окно, – промямлила я, накрывая голову подушкой.

– Ма-а-а-а-а-а-а-ав!!! – раздался вопль.

И все бы ничего, я бы даже Дохрая опять позвала, но тут прозвучало:

– Что, друг, покормить забыли? – и голос был мужской.

После чего скрипнула дверь на балконе, мне резко завоняло чем-то, а все тот же мужской голос произнес:

– Ну идем, глянем, чего там на кухне осталось, не буди Телль.

Да от такого кто угодно проснется!

И я тоже подскочила на постели, а увидела только удаляющуюся спину белого мага, который нес на руках моего белого кота! Но не успела встать и одеться, как они оба вернулись обратно. Пришлось прикрыться одеялом, отчего букет белых роз едва не свалился на пол, и, собственно, я поняла что мне воняло.

– Телль, – Арвейн укоризненно посмотрел на меня, – у тебя на кухне я обнаружил зелья, зелья, порошки, декокты, склянки, зелья, травы, но ничего съестного. Ты сама что на ужин ела?

Попытавшись вспомнить, обнаружила присутствие раннего склероза, но в итоге все же припомнила:

– Там сухари есть, мед и варенье.

Покивав, маг сурово сказал:

– Одевайся, сходим поужинаем. – На попытку возмутиться добавил: – Заодно кота покормим, ты совсем про него забыла.

Гардэм обвинительно подтвердил своим:

– Мяу.

– А ему рыбка нужна, – продолжил маг, – молоко, и вообще нормальное питание.

Пожав плечами, благословила обоих словами:

– Ужинайте, я спать.

Просто вставать собиралась на рассвете, и ждала меня сладкая месть, так что...

– Те-е-ел-ль, – узрев, как я обратно забираюсь в кровать, позвал Арвейн. – Телль, ты, наверное, забыла, но Гардэм твой дух, он будет есть либо в твоём доме, либо то, что дашь ты. Тьма!

* * *

Я клевала ненакрашенным носом, сильно подозревая, что все закончится тесным знакомством с салатом. Рядом, мурча, Гардэм доедал вторую порцию сырой рыбы, напротив сидел Арвейн и что-то рассказывал о своих подвигах. Поздние посетители таверны поглядывали на нас с заметным интересом, потому что я сидела в мантии и капюшон не снимала, ибо не в образе.

– Телль, – позвал маг.

– Чего? – подперла вторую щеку, соответственно, второй рукой.

– У меня дом в столице, в центре, – почему-то произнес Арвейн.

– И?.. – Нет, точно засну.

– И там есть белый источник, черный установишь сама.

Локти начали медленно разъезжаться, приближая меня к салату из ранней капусты. Зелененькому такому.

– Угу, – пробормотала, закрывая глаза и думая, что капуста – это не так уж и плохо.

– Сыновья у меня уже есть, соответственно, я имею полное право жениться на черной ведьме, – продолжил Арвейн.

Это потому, что белые маги рождаются только от белых магинь, я точно знаю, мы это учили. В итоге белые в браки вступают рано, делают обычно пару-тройку детей и разводятся, дети в итоге в магакадемиях, белые магини открывают салоны красоты, белые маги воюют и борются с Тьмой... Скучно живут, ага...

– Телль, до салата осталось пару сантиметров, – рассмеялся маг.

Тьма, я же почти достигла вожделенного.

– Капуста полезна для кожи, – пробормотала раздраженно, но все же села ровнее. Потерла глаза, попыталась хоть немного проснуться.

Гардэм, доев свою рыбу, довольно урча, прыгнул ко мне на колени. Машинально погладила кота, сокрушенно подумав, что он мне весь облик черноведьминский портит. Грустно, да. Взглянула на мага – Арвейн как-то выжидательно смотрел на меня.

– Что? – спросила, нахмурившись.

Улыбнулся, продолжая выжидательно глядеть.

– Что не так? Соус на носу остался? – удивилась я.

Отрицательно покачав головой, маг произнес:

– Ты не ответила на мое предложение.

Попыталась понять, о каком предложении вообще шла речь, не вспомнила. Сухари с медом вспомнила, а предложение нет.

И тут из-за соседнего столика донеслось:

– Госпожа ведьма, он вас замуж позвал, пока вы уснуть пытались.

Недоуменно оглянувшись, увидела за соседним столом сидящих и радостно мне улыбающихся господина Нукту с женой, собственно владельцев ресторана, в котором мы и сидели, и его брата тоже с супругой. Обе пары даже помахали приветственно.

– Куда позвал? – не поняла я.

– Замуж! – гордо объявила госпожа Нукта.

Вторая госпожа Нукта, жена младшего брата, пояснила:

– Ну, пока вы к салату лицом примерялись, маг вам предложение сделал, про городской дом рассказал и про дочек ваших. – И тут же спросила: – Госпожа ведьма, а ведьмы вообще замуж за белых магов ходят?

– Понятия не имею, – пробормотала рассеянно.

Повернулась к Арвейну, посмотрела на него с явным сомнением по поводу услышанного.

– Что не так? – Маг загадочно улыбался. – Ты симпатичная нетипично добрая черная ведьмочка, я белый маг, у которого есть непреодолимое желание забраться в твою постель на неограниченно долгое время, а также защищать и оберегать тебя. Что тебе не нравится?

Пожав плечами, погладила Гардэма и сказала:

– Не по регламенту это.

– Наденешь свое регламентированное платье на нашу свадьбу, – предложил Арвейн. – И если так сильно хочешь, я даже посопротивляюсь для виду, а ты на меня поохотишься, и все будет как полагается.

Что-то мне во всем этом не нравилось. Даже не знаю что.

– Телль, ты же черная, вы в любовь не верите, – протянул маг. – Так что как видишь, тему чувств я даже не затронул.

Три дочки – это, конечно, неплохо, это даже хорошо... И Арвейн маг симпатичный, а еще понимающий и даже меня не особо бесит, что редкость, но...

– Да кто ж так предложение делает, – сокрушенно вздохнула за соседним столиком госпожа Нукта. – Ни тебе подвига, ни цветов и на колено не встал, и не поцеловал даже... Все у этих магов не как у людей.

Собственно, и это тоже, так что:

– Все, я спать, – решила, поднимаясь и отпуская Гардэма на пол. – У меня утром еще акт черной ведьминской мести запланирован, и мне как-то не до продолжения рода.

Арвейн поднялся, кинул на стол мелочь за ужин, лишая меня необходимости расплачиваться, обошел столик, протянул руку.

– Это еще зачем? – спросила нахмурившись.

– Ухаживаю за тобой, – пояснил маг.

– Сегодня ухаживать не надо, – начала раздражаться я. – Говорю же – я хочу спать. А вот завтра после обеда я...

Договорить почему-то не вышло – как-то очень резко меня схватило и притянуло к магу, а потом капюшон взял и упал с головы, а мои губы взяли и оккупировали жадным, отнюдь не пристойно-беломагическим поцелуем и еще тело сжали так, что не продохнуть, и голова закружилась совсем, и ноги подогнулись, и пришлось обнять Арвейна, чтобы не свалиться на пол.

– А волосы-то у госпожи ведьмы и не черные, и выются даже, – заметил кто-то.

– Вот это любовь, – донеслось с противоположного конца зала.

– А хорошенькая какая, – вставил еще кто-то.

Тяжело дыша, Арвейн оторвался от моих губ, взглянул в мои затуманенные глаза и спросил хриплым шепотом:

– К тебе?

– Зачем? – очень удивилась черная ведьма.

Пробормотав какое-то ругательство, белый маг решительно подхватил меня на руки и понес к выходу из ресторана.

Меня! На руки! На глазах у всех!

Это меня!

Щелчок пальцами был неизбежен, и Арвейн вмиг уменьшился до размера гнома, я же соскользнула на пол в момент его уменьшения, гордо накинула капюшон и вообще никак не отреагировала на сокрушенное «Телль!».

– Меня еще на руках не носили! – вскинув подбородок, психанула я. – Белых своих носить будешь, нахал! И вообще, кто так с черными ведьмами обращается?! Никакого уважения! Гардэм, домой!

И мы с котом гордо ушли, и плевать, что Арвейн увеличился до привычного размера почти сразу, а присутствующие от этого покатались со смеху. Просто черная я или как? Вот-вот, а потому маг-то увеличился, а вот его одежда не сразу – мы, ведьмы, мстительные.

Домой возвращалась с каким-то странным неприятным чувством на душе. Даже и не знаю почему...

* * *

Но на рассвете я проснулась с самой довольной улыбкой и просто потрясающим настроением! Меня ждала месть!

Продуманная, никоим образом не магическая, подлая и коварная месть! И в следующий раз кто-то трижды поразмышляет, прежде чем пытаться запугивать черную ведьму!

Торопливо собравшись, сбежала на первый этаж и там и остановилась. Посреди лавки стояла корзина белых цветов. Внушительная. На корзине имелась записка. Нехотя подошла, сорвала свиток, развернула и прочла:

«Прости, сорвался, забыл, что с ведьмами так нельзя. Исправлюсь. Арвейн».

А может, зря я так? Дочка мне очень нужна, и маг вроде ничего...

Решила, что потом об этом подумаю.

Зашла в лабораторию, забрала оба неразбивающихся пузырька с моим экстрагелем и поторопилась на встречу с мэром.

* * *

Утро выдалось волшебное – солнечный диск медленно поднимался над лесом, птицы голосили вовсю, бурый мишка выглянул, увидел меня и быстренько сиганул в кусты. Вот это я понимаю – уважение к черной магии.

Сняв плащ, запихнула его в схронное дупло, потянулась, размялась и побежала, старательно глядя себе под ноги, чтобы в очередной раз не угодить в ловушку.

И вот я бегу, бегу и бегу... и ничего. То олень выглянет из-за дерева, то тетерев дорожку перелетит, а то и вовсе никого, только кусты потрескивают, намекая, что в них живность водится. В общем и целом самое обыкновенное утро, даже скучно под конец стало. Но я решила не расстраиваться – не сегодня, так завтра, но господин мэр появится точно, в этом даже не сомневаюсь, а меня впереди ждал спуск с пригорка к озеру, и там красивейшие виды, и озеро такое в лучах поднимающегося солнца, и дымка тумана над ним, и...

[Купить полную версию книги](#)